

Р. Тагор

КОРОЛЬ ТЕМНОГО ЧЕРТОГА

Перевод Ю.Балтрушайтиса

Драма Рабиндраната Тагора «Король темного чертога» — один из прекрасных образцов истинного символизма в литературе «серебряного века». В 1915 году и позже, в 1927 году, вышли один за другим несколько русских переводов драмы (с английского языка) в крупных столичных издательствах [1]. Однако все они оказались далеки от литературного совершенства. В начале века был выполнен, но не опубликован перевод «Царь темного чертога» известного переводчика и литературоведа М.Ликиардопуло [2]. В то же время лучший, на наш взгляд, из переводов «Короля...», также все еще не увидевший свет, принадлежит Юргису Балтрушайтису [3]. Именно Балтрушайтису, поэту-символисту по естеству природному, удалось создать перевод, несомненно полный литературных достоинств. Он хранится в Музее Московского Художественного академического театра (Москва).

Рукопись Балтрушайтиса оказалась в Музее МХАТ не случайно. Она связана с историей предполагавшейся постановки «Короля темного чертога» на сцене Московского Художественного театра. Единственный экземпляр текста перевода попал в руки Надежды Сергеевны Бутовой [4], которая вместе с М.Н.Германовой взяла на себя труд режиссера в постановке новой пьесы. Актриса Н.С.Бутова, ученица Вл.И.Немировича-Данченко, создавшая, по его словам, «проникновенные образы человеческого духа», органично подошла к важному этапу своей жизни — испробовать силы на режиссерском поприще. Поставить одну из лучших пьес Тагора стало для театра делом чрезвычайно серьезным. «Я придаю постановке «Короля темного чертога» в будущем сезоне значение первостепенной важности, — писал Немирович-Данченко в письме к Станиславскому. — Я много говорил в течение года, что без «сдвига» репертуара от натурализма в сторону «Розы и креста» и Тагора считаю Художественный театр в опасности» [5].

Идея постановки пьесы Тагора возникла в литературно-поэтических кругах Москвы, близких к театру. После чтения Балтрушайтисом в 1916 году своего перевода в одном из литературных салонов, где присутствовала и Н.С.Бутова,

появилось желание предложить ознакомиться с текстом пьесы руководителей Художественного театра. Немирович-Данченко с радостью принял эту идею о будущей постановке. В начале лета 1916 года он сообщал из Ялты писателю Л.Н.Андрееву: «Что мы делаем, хотите Вы знать. Что нового делаем? ...Германова с Бутовой собираются репетировать самостоятельно «Короля темного покоя» Р.Тагора и играть в студии <...>. Пьеса Тагора очаровательная во всех отношениях» [6].

Вл.И.Немирович-Данченко обсуждает возможность постановки с К.С.Станиславским. Последний, разрабатывая в это время активно свою «систему», увидел, что как раз Тагор и может привести к настоящей выразительности актерской природы, помочь «добиться до возвышенных чувств и красоты» [7]. Сам Немирович-Данченко увлечен Тагором не меньше Станиславского. Ему видится в пьесе индийского классика «материал» для выработки новых подходов в режиссуре. Он придает репетициям «Короля темного чертога» первостепенное значение. «Внутренние качества этой вещи очень большие. Внешние, особенно режиссерские, дают материал поработать тем, кто хочет делать опыты. Главное же, что Рабиндранат Тагор неизмеримо больше в плоскости чистой, религиозной и простой красоты, чем Мережковский...» [8].

Первая встреча руководителя Московского Художественного театра Немировича-Данченко с театральным коллективом, возглавившим работу по постановке пьесы, состоялась 19 августа 1916 года. Владимир Иванович «заладил, чтобы репетировали самостоятельно» [9] и назначил ответственной в подготовке спектакля Бутову, как режиссера, ее помощником — Мчеделова, и Германову — исполнительницей главной роли. Таким образом, с конца лета 1916 года, или с открытием театрального сезона 1916/17 годов было положено начало постановке «Короля темного чертога». Тогда же, 4 сентября 1916 года московская газета «Раннее Утро» сообщила, что артисты Художественного театра «приступили к репетиции пьесы Рабиндраната Тагора «Король темного чертога». Пьеса пойдет в середине сезона. Главные роли предназначаются для г-жи Германовой и г-на Шахалова» [10].

Период подготовки к началу репетиций занял в театре длительное время. Только в январе 1917 года работа двинулась и актеры подступились к новому репертуару. Первая репетиция состоялась 29 января в 9 часов вечера в помещении уборной «Константина Сергеевича», репетировали 15-ю картину. Работа шла напряженно. «Работать, действительно, приходится много, — писала Бутова Т.Л.Щепкиной-Куперник. — 4-го <февраля> в субботу, Бог даст, сдам часть моей работы. Буду показывать Немировичу, Москвину, Балтрушайтису, Леонидову и Берсеневу 11 сцену из «Короля темного чертога». Помолись за меня и за работу всех» [11]. Следующая полноценная репетиция прошла 14 февраля. Единственный экземпляр пьесы выдавался для прочтения всем участникам спектакля по списку. К 8 февраля текст был прочитан всеми актерами и 10 февраля составлен список действующих лиц по картинам. Очень интересен состав участ-

ников: Король — А.Э.Шахалов, Сударшана — М.Н.Германова, Сурангама — А.К.Тарасова; среди королей — Л.М.Леонидов, В.А.Вербицкий, Е.В.Калужский; лжекороль — И.Н.Берсенев.

Со середины февраля репетиции идут регулярно, но в начале мая частью срываются из-за неявки актеров, а 8 мая 1917 года — прекратились вовсе и больше не возобновлялись. Сезон закончился (записи в журнале репетиций спектакля обрываются) в 20-х числах мая. Одна из лучших молодых актрис театра Тарасова уехала к родителям в Киев и осенью в Москву не вернулась. Тем не менее, огромная работа была проделана. В апреле к постановке подключился Немирович-Данченко и взял «пьесу в свои руки». Он намеревался во что бы то ни стало «вести ее до конца». С 6 по 8 мая, три дня подряд, Владимир Иванович проводил с актерами беседы о ролях. За весь период работы над спектаклем состоялось 32 репетиции.

К постановке «Короля темного чертога» Московский Художественный театр все же вернулся спустя полтора года. И хотя целиком спектакль поставить не удалось, отдельные сцены были показаны 25 и 26 декабря 1918 года. Спектакль не остался незамеченным. Пресса дала хотя и краткие, но положительные отзывы. Сама Бутова писала в письме к Щепкиной-Куперник сразу же после первой премьеры: «25 декабря н.с. шли впервые 8 сцен из «Короля темного чертога». Завтра будет 2-й спектакль, 2-го января н.с. — третий. Я ничего определенного об этом обо всем не могу написать; очевидцы, б<ыть> м<ожет>, скажут Вам свое слово. А я одно могу сказать: все больше убеждаюсь, что Тагор несравненный писатель — и родной, и дорогой брат всякой человеческой душе; и публике сейчас нужен и важен. Конечно, не всей и не всякому. Но ведь на все-то и сам Бог не угодит! Одна дама сказала: «Да, красиво очень, но я ничего не понимаю в фантазиях!» Я еще вся в процессе работы, и взглянуть со стороны на нее никак не могу. Как печально мне было, что не было Вас, мои дорогие друзья!.. В театре невыразимый холодище (как и всюду, особенно в квартирах!), а мне приходится читать 9 стихотворений между картинами — этими стихами Балтрушайтис передает смысл пропускаемых картин и пр. (Всю пьесу невозможно было поставить пока!)» [12].

Таков пробный опыт постановки пьесы Тагора, осуществленной на сцене Московского Художественного театра в конце 1918 года. Этот спектакль впоследствии был возобновлен М.Н.Германовой и поставлен заграничной группой Художественного театра в эмиграции. Сегодня мы возвращаемся к истории постановки драмы Тагора «Король темного чертога» в переводе Юргиса Балтрушайтиса. Музей МХАТа (Москва) предоставляет читателям первую публикацию этого перевода, которую подготовила для нашего журнала научный сотрудник Музея Е.А.Шингарёва.

В.А.Росов

Примечания

1. См.: Тагор Р. Собр. соч. в 6 тт. Кн. IV: Король темного покоя. Пер. З. Венгеровой и В. Спасской. М.: Современные проблемы, <1915>; Тагор Р. Собр. соч. в 6 тт. Кн. VI: Царь темного чертога. Мистическая драма. Пер. А. Журина, Б. Лепковского и М. Родон. М.: Валентин Португалов, 1915; Тагор Р. Король темного покоя и другие пьесы. Пер. с англ. С. А. Адрианова и Г. П. Федотова. Ленинград: Мысль, 1927.
2. Тагор Рабиндранат. Царь темного чертога. Пер. М. Ликиардопуло. Музей МХАТ. Ф. 98, оп. 1, д. 908, 58 л. (Фонд Н. С. Бутовой). Машинопись.
3. Балтрушайтис Юргис (1873-1944), литовский поэт. Писал на русск. и литов. языках. В 1921-39 полномочный представитель Литвы в СССР; с 1939 жил в Париже.
4. Бутова Надежда Сергеевна (1878-1921), русская актриса, в труппе МХАТ с 1900 г.; сыграла главные роли в спектаклях «Власть тьмы», «Братья Карамазовы», др.
5. Немирович-Данченко Вл. И. Письмо К. С. Станиславскому, 23.04.1917 // Музей МХАТ. Ф. 3 (фонд В. И. Немировича-Данченко). № 1720.
6. Немирович-Данченко Вл. И. Письмо Л. Н. Андрееву, 12.06.1916 // Вл. И. Немирович-Данченко. Избранные письма. М., 1979. Т. 2. С. 172.
7. Станиславский К. С. Письмо Вл. И. Немировичу-Данченко, 11.08.1916 // К. С. Станиславский. Собр. соч. М., 1960. Т. 7. С. 630.
8. Немирович-Данченко Вл. И. Письмо К. С. Станиславскому, 8.08.1916 // Вл. И. Немирович-Данченко. Избр. письма. Т. 2. С. 179.
9. Немирович-Данченко Вл. И. Письмо Е. Н. Немирович, 20.08.1916 // Музей МХАТ. Ф. 3. № 2442.
10. Раннее Утро (Москва). 1916. 4 сентября. № 205.
11. Бутова Н. С. Письмо Т. Л. Щепкиной-Куперник, <1.02.1917> // Музей МХАТ. Ф. 98, оп. 1, д. 850, л. 3. Автограф.
12. Бутова Н. С. Письмо Т. Л. Щепкиной-Куперник 16/29.12.1918 // Там же, д. 877, лл. 4-4об., 5.

ПЬЕСА

I.

Улица. Несколько странников и городской сторож.

Первый странник (Бхавадатта). Эй, стой!

Городской сторож. Что вам нужно?

Второй странник (Джанардан). Куда нам идти? Мы здесь чужие.

Скажи, пожалуйста, в какую улицу свернуть?

Городской сторож. А куда вам нужно пройти?

Третий странник (Каундилия). Туда, где устраиваются эти большие празднества — ну, ты знаешь. Куда нам идти?

Городской сторож. Все здешние улицы одинаково хороши. Любая улица приведет вас, куда следует. Идите все вперед, и вы не ошибетесь дорогой. (Уходит).

Первый странник. Вы только послушайте, что этот глупец говорит: «Любая улица приведет вас, куда следует!» Какой же тогда смысл пролагать столько улиц?

Второй странник. Нечего возмущаться, мой друг. Каждая страна свободна заводить свои собственные порядки. А что касается дорог в нашей стране, собственно, их как будто и нет: узкие и кривые переулки, целый лабиринт спусков и проездов. Наш король не доверяет прямым и открытым дорогам, он думает, что сколько улиц, столько и отверстий, которые только облегчают его подданным бегство из его царства. А здесь совсем наоборот: никто не преграждает вам дороги, никто не мешает уходить, куда глаза глядят, если вам угодно, и все-таки народ ничуть не собирается бежать из этого царства. При таких дорогах наша страна несомненно стала бы безлюдной в самый короткий срок.

Первый странник. Но, дорогой Джанардан, я всегда отмечал эту слабую сторону твоего характера.

Джанардан. Какую?

Первый странник. Ты вечно бранишь нашу страну. Как ты можешь думать, что прямые и открытые дороги могут приносить пользу стране? Смотри, Каундилия, вот этот человек в самом деле верит, что в открытых дорогах все спасение страны.

Каундилия. Мне вовсе не приходится, Бхавадатта, еще лишний раз указывать, что у Джанардана крайне извращенный ум, и когда-нибудь ему не миновать опасности. Стоит королю прослышать про нашего почтенного друга, и ему трудненько будет найти человека, который согласится совершить погребальный обряд, когда он умрет.

Бхавадатта. Нельзя не чувствовать, что жизнь становится в тягость в этой стране: человек лишен радости уединения на этих улицах — в этой толкотне и давке, день и ночь, в толпе чужих людей, хочется поскорее омыться. И никто не может точно сказать, с какими людьми вам приходится сталкиваться на этих больших дорогах — ффу!

Каундилия. А ведь никто, как Джанардан, убедил нас отправиться в эту диковинную страну. И то сказать — в семье не без урода. Ты, конечно, знавал моего отца: большой человек, благочестивый человек, каких мало. Всю свою жизнь он прожил в круге, радиус которого в 49

локтей был проведен в строгом согласии с велением Писания, и никогда, хотя бы на один день, он не преступил этот круг. После его смерти возникло существенное затруднение — как предать тело сожжению в пределах 49 локтей и, вдобавок, вне дома. В конце концов, хотя нам и нельзя было превысить число Писания, жрецы решили прибегнуть к единственному выходу из затруднения: перевернуть число, превратив его в 94; только так мы и могли предать его тело сожжению вне дома, не погрешая против священных книг. Нет, какова строгость в соблюдении заповедей! Наша страна действительно не такая, как все.

Бхавадатта. И хотя Джанардан вырос на той же почве, он считает разумным заявить, что открытые дороги — высшее благо страны.

(Входит Дед, с толпой детей)

Дед. Дети, сегодня нам придется состязаться с диким южным ветром, — но мы не оплошаем. Будем петь, пока не наполним всех улиц нашим весельем и песнями.

(Песня).

*Южные ворота раскрыты. Приди, моя весна, приди!
Восторг твой сольется с восторгом, что в сердце моем.
Приди, моя весна, приди!
Будь в трепете листьев и в юном смиреньи цветов!
Будь в пении флейт и в задумчивых вздохах лесных!
Пусть пьяный ветер рвет твою одежду!
Приди, моя весна, приди! (Уходят).*

(Входит толпа горожан).

Первый горожанин (Кумбха). Как бы там ни было, нельзя не пожелать, чтобы король хоть сегодня соизволил показаться нам. А то очень жаль: жить в его царстве и никогда не видеть его.

Второй горожанин (Вирупакиша). Если бы вы только знали истинный смысл всей этой тайны! Я вам открою, если будете хранить молчание.

Первый горожанин. Дорогой друг, мы живем в одном конце города, а разве тебе приходилось слышать, чтобы я разгласил чью-либо тайну? А то, что твой брат нашел целый клад, роя колодезь, — ну, что же, ты довольно хорошо знаешь, зачем я разгласил. Ты знаешь все подробности.

Второй горожанин. Еще бы не знать! И, зная все это, я и спрашиваю: будешь ли ты молчать, если я расскажу? Как тебе известно, всем нам может грозить гибель, если ты проболтаешься.

Третий горожанин (Вишу). Ты, право, удивительный человек,

Вирупакша. Что ты так боишься несчастья, которое еще только может случиться? И кто возьмет на себя ответственность хранить твою тайну всю свою жизнь?

Вирупакша. Все это просто к слову пришлось. Отлично, тогда я ничего не скажу. Я не из тех, кто мелет попустому. Ты сам завел речь о том, что король никогда не выходит к народу; а я просто заметил, что король, очевидно, недаром прячется от глаз людских.

Первый горожанин. Но расскажи, Вирупакша, почему он прячется?

Вирупакша. Пожалуй, и расскажу. Ведь все мы — старые друзья, не так ли? Авось, беды не случится. (Понизив голос). Король — очень уродлив. Вот он и решил лучше не показываться своим подданным.

Первый горожанин. Хэ! Верно! Должно быть, так! Мы тут все удивлялись... Ведь один вид короля в других странах заставляет душу дрожать, как осиновый лист, от страха; почему же нашего короля не видела ни одна человеческая душа? Пусть он явится, хотя бы затем, чтобы отправить всех нас на виселицу, мы тогда будем знать, что наш король не выдумка. Так или иначе, многое в толковании Вирупакши звучит довольно правдоподобно.

Третий горожанин. Ничуть, я ему ни столечко не верю.

Вирупакша. Как, Вишу, ты хочешь сказать, что я — лжец?

Вишу. Строго говоря, я этого не хотел сказать. Я только не могу принять твоей теории. Прощу извинить, не моя вина, если я показался несколько резким и грубым.

Вирупакша. И не диво, что ты не можешь верить моим словам, — ведь ты считаешь себя таким умницей, что отвергаешь суждения своих родителей и всех, кто выше тебя. Долго ли, по—твоему, ты сидел бы в этой стране, если бы король перестал скрываться? Ты, просто-напросто, ужасный еретик!

Вишу. Милейший столп благонравия! Ты думаешь, всякий другой король не приказал бы немедленно отрезать тебе язык и бросить его на съедение псам? А у тебя еще хватает наглости говорить, что наш король — урод?

Вирупакша. Смотри, Вишу, не лучше ли тебе придержать язычек?

Вишу. Излишне указывать, кому здесь лучше держать язык за зубами.

Первый горожанин (Кумбха). Тише, друзья мои, все это, право, не к добру. Они как будто не на шутку хотят наклепать на меня беду. В таких делах я не участник.

(Уходит. Влача Деда, входит толпа сильно возбужденных людей).

Второй горожанин. Дедушка, сегодня я, право, поражаюсь...

Дед. Чему?

Второй горожанин. В нынешнем году все области послали своих представителей на наш праздник, и каждый спрашивает: «Все у вас мило и красиво, — но где же ваш король?» И мы не знаем, что отвечать. Это — большая прореха, которая даст себя чувствовать каждому в нашей стране.

Дед. Ты говоришь — «прореха»! Как, вся страна переполнена, запружена и набита королем, а ты называешь его «прорехой»! Ведь каждого из нас он сделал венценосным королем.

(Поет).

Мы все — короли в царстве нашего Короля.

Иначе, как нам в сердце уповать, что будем с Ним!

Пусть мы творим на свете, что хотим,

но мы творим лишь то, что хочет Он,

и цепью страха мы не скованы у ног царя рабов.

Иначе, как нам в сердце уповать, что будем с Ним!

Король наш славит каждого из нас,

и в этой славе славит Он Себя.

Не может малость ввергнуть нас в свой плен,

в глухих стенах неправды навсегда!

Иначе, как нам в сердце уповать, что будем с Ним!

Мы боремся и роем мы свой путь, и в нем,

в конце, находим путь Его.

И нам нельзя погибнуть в бездне темной ночи.

Иначе, как нам в сердце уповать, что будем с Ним!

Третий горожанин. Однако, я, право, не могу выносить глупости, которые говорятся про нашего короля по той простой причине, что он не появляется всенародно.

Первый горожанин. Какой-то бред! Всякий, поносящий меня, может быть наказан, тогда как никто не может заткнуть глотку бездельнику, которому угодно клеветать на короля.

Дед. Клевета не может коснуться короля. Одним дуновением ты можешь задуть пламя, которое светильник заимствует у солнца, но хотя бы весь мир начал дуть на солнце, его блеск остался бы столь же неоскудным и неумаленным, как прежде.

(Входят Вишвавасу и Вирупакша).

Вишу. Дедушка, смотри! Этот человек рассказывает всем и каждому, будто наш король оттого не показывается людям, что он безобразен.

Дед. О чем же ты горюешь, Вишу? Его король должен быть безобразным, иначе откуда могло бы появиться в его царстве уродство самого Вирупакши? Он создает своего короля по образу и подобию своему, каким он видит себя в зеркале.

Вирупакша. Дед, я не буду называть имен, но никто не в праве отнестись с недоверием к особе, которая сообщила мне эти новости.

Дед. И которая пользуется большим авторитетом, чем ты?

Вирупакша. Но я мог бы представить тебе доказательства...

Первый горожанин. Бесстыдство этого человека не знает границ! Ему мало с развязным видом распускать гнусные слухи, он еще предлагает измерить его ложь тою же наглостью!

Второй горожанин. А почему бы не заставить его измерить свой собственный рост на земле?

Дед. Зачем так горячиться, друзья мои? Воспевая уродство своего короля, этот бедняга готовит себе свой собственный праздник. Ступай, Вирупакша, ты найдешь много людей, готовых поверить тебе: будь счастлив в их обществе.

(Уходит. Входит группа чужеземцев).

Бхавадатта. Я прихожу к заключению, Каундилия, что у этих людей вовсе нет короля. И они просто стараются всячески поддержать пустые слухи о нем.

Каундилия. Я думаю, ты прав. Ведь, как все мы знаем, высшее и самое поразительное зрелище в стране — король, и сам он, конечно, не упустит ни одного удобного случая показаться народу.

Джанардан. Ну, а этот образцовый порядок и законность, господствующие здесь, — как ты объяснишь их без короля?

Бхавадатта. Так вот до какой премудрости дошел ты, живя так долго под властью правящих! А зачем нужен король, раз порядок и гармония уже существуют?

Джанардан. Все эти люди пришли на празднество повеселиться. Ты думаешь, они точно так же собрались бы в стране анархии?

Бхавадатта. Дорогой Джанардан, ты, по обыкновению, уклоняешься от сути. Здесь не может быть вопроса о порядке и законности, и праздничное веселье — тоже довольно простая вещь: все это не вызывает затруднений. Но где король? Ты видел его? Вот что нам расскажи.

Джанардан. А я должен прибавить следующее: ты по собственному опыту знаешь, что хаос и анархия могут быть даже при наличии короля,

— а что мы видим здесь?

Каундилия. Ты все прибегаешь к своим уверткам. Почему ты не можешь ответить на вопрос Бхавадатты прямо. Видел ты короля или не видел? Да или нет?

(Уходит. Входит группа горожан с пением).

*Мой возлюбленный вечно в сердце моем,
вот почему его я вижу всюду.*

*Он здесь, в зрачках, во взгляде глаз моих,
вот почему его я вижу всюду.*

Искал я в далях звона слов его, но, ах, напрасный труд!

Лишь в час возврата я услышал их в моих устах поющих.

Кто ты, как нищий, ищущий его из двери в дверь!

*Ты лишь прикинь к сердцу моему и в лик его
вглядись в моих глазах, в живых слезах моих.*

(Входят глашатаи и стража короля).

Первый глашатай. Отойдите! Прочь с дороги!

Первый горожанин. А ты кто, по-твоему? Не слишком ли широко шагаешь, мой друг? Почему нам уходить? Зачем нам утруждать себя? Разве мы уличные собаки?

Второй глашатай. Наш король идет сюда.

Второй горожанин. Король? Чей король?

Первый глашатай. Наш король, король этой страны.

Первый горожанин. Этот человек, кажется, помешался. Разве мыслимо, чтобы наш король появлялся с толпой таких крикунов?

Второй глашатай. Король больше не хочет оставаться вдали от своих подданных. Он сам примет участие в празднествах.

Второй горожанин. Брат, так ли это?

Второй глашатай. Смотри, вон там развевается его знамя.

Второй горожанин. Ах, в самом деле, флаг!

Второй глашатай. Видите изображение красного цветка на нем?

Второй горожанин. Да, да, в самом деле — цветок! Ярко-красный цветок!

Первый глашатай. Ну вот, теперь ты веришь нам?

Второй горожанин. Я никогда не говорил, что не верю. Наш приятель Кумбха поднял весь этот шум. Разве я сказал хоть слово?

Первый глашатай. Этот бочкообразный человек, пожалуй, совершенно пуст внутри, а пустая бочка только пуще гремит, как тебе известно.

Второй глашатай. А кто он? Твой родственник?

Второй горожанин. Ничуть. Он двоюродный брат тестя нашего старшины; он даже не живет в одном конце селения с нами.

Второй глашатай. Совершенно верно: по всему своему виду он находится в седьмой степени родства с чьим-то тестем, и голова у него такая же — дядюшкина.

Кумбха. Увы, друзья мои, много горьких забот свалилось на мою бедную голову, прежде чем она стала такой. Еще совсем недавно по улицам шествовал король, со множеством регалий и барабанов, от грохота которых весь город стал омерзителен. Чего только я не делал, чтобы угодить ему! Я осыпал его дарами, приставал к нему, как нищий, пока не оказалось, что мои средства не вынесут напряжения. А чем кончилась вся эта пышность и величие? Когда у него стали просить подарков и милостей, он никак не мог найти подходящего дня в календаре; хотя, когда нам нужно было платить налоги, все дни были одинаково хороши!

Второй глашатай. Ты имеешь наглость утверждать, что и наш король ничуть не лучше?

Первый глашатай. Господин двоюродный дядюшка, я думаю, тебе уже пора проститься с двоюродной тетушкой.

Кумбха. Пожалуйста, господа, не сочтите за обиду... Я бедный человек — вот все мое оправдание. Я постараюсь искупить вину. Я готов убраться отсюда.

Второй глашатай. Хорошо. Иди сюда и поддерживай порядок. Сейчас придет король — нам нужно расчистить дорогу. (Уходят).

Второй горожанин. Дорогой Кумбга, твой язык когда-нибудь погубит тебя.

Кумбха. Друг Мадхав, тут не в моем языке дело, тут судьба. Когда появился самозванный король, я не сказал ни слова, и все-таки мне солоно пришлось. Теперь же, когда может появиться настоящий король, я вдруг оказываюсь предателем. Тут уж судьба, мой друг!

Мадхав. Мое правило: повиноваться королю, безразлично, настоящий ли он или самозванец. Что мы знаем о королях, чтобы судить их? Все равно что бросать камни в темноте — куда-нибудь да попадешь. Я продолжаю повиноваться и признавать: если это настоящий король, прекрасно; а если нет — что за беда?

Кумбха. Я бы ничего не имел против, если бы камни были просто камни. Но часто бывают драгоценные камни, а здесь, как впрочем всюду, расточительность приводит к нищете, мой друг.

Мадхав. Смотрите! Вот идет король! Ах, в самом деле — король!

Какое величие, какое лицо! Кто видел такую красоту — лилейно-белую, нежную? Ну, Кумбха? Что ты теперь думаешь?

Кумбха. Вид у него, хоть куда. И, как бы я ни сомневался, возможно, что это — настоящий король.

Мадхав. У него такой вид, точно его отлили и изваяли для царства, и весь он слишком изящен и нежен для обыкновенного света дня.

(Входит лжекороль).

Мадхав. Благоденствие и победа да сопутствуют тебе, король! Мы стоим здесь с раннего утра, чтобы лицезреть тебя. Не забудь нас, повелитель, в своих милостях!

Кумбха. Тайна становится глубже. Пойду позову деда.

(Уходит. Входит вторая группа горожан).

Первый горожанин. Король, король! Идите сюда, живо, король здесь!

Второй. Не забудь меня, король! Я — Виваджадатта, внук Удайдатты из Кушаливасту. Я пришел сюда при первой вести о твоём появлении, я не останавливался в пути и не слушал, что люди говорят: вся моя преданность стремилась к тебе, повелитель, и привела меня сюда.

Третий. Вздор! Я пришел раньше тебя, — до первых петухов. Где ты был в это время? О, король, я Бхадрасена, из Викрамастали! Будь милостив и не забудь слугу своего!

Лжекороль. Я очень рад вашей верности и преданности.

Виваджадатта. Ваше величество, много обид и жалоб накопилось у нас: к кому нам было обращать наши мольбы, пока нам нельзя было приблизиться к твоей священной особе?

Лжекороль. Все ваши обиды будут заглажены.

(Уходит).

Первый горожанин. Нам нельзя влачиться сзади, ребята. Король потеряет нас из виду, если мы смешаемся с чернью.

Второй горожанин. Смотрите, смотрите, что делает этот безумный Нароттам! Протолкался вперед и, оттеснив нас, усердно обмахивает короля пальмовым листом.

Мадхав. В самом деле? Ну, ну, какая наглость!

Второй горожанин. Надо убрать его отсюда! Разве ему подобает стоять рядом с королем?

Мадхав. Ты думаешь, король не видит его насквозь? Его показная и не в меру усердная преданность слишком бросается в глаза.

Первый горожанин. Глупости! Короли не замечают в людях лицемер-

рия, как мы сразу замечаем, — я бы ничуть не удивился, если бы король был тронут усердием этого глупца.

(Входит Кумбха, с Дедом).

Кумбха. Говорю тебе — он только что прошел по этой улице.

Дед. Разве в этом — непреложное доказательство королевского сана?

Кумбха. А разве он прошел незамеченным? Не один и не двое, а сотни тысяч стоявших по обе стороны улицы видели его своими собственными глазами.

Дед. Вот это-то и внушает подозрение. Разве наш король ослеплял когда-нибудь глаза людей пышностью и блеском? Он не из тех королей, которые окружают таким шумом свое шествие по стране.

Кумбха. Но он мог остановиться как раз на таком образе действия, ввиду столь торжественного случая: тут нельзя сказать ничего более определенного.

Дед. Нет, можно! Мой король не флюгер, и ему чужды фантастические причуды и порывы.

Кумбха. Дедушка, мне только трудно описать его! Такой нежный, такой хрупкий и изящный, как восковая кукла! Когда я смотрел на него, мне так хотелось закрыть его от солнца, защитить его своим телом.

Дед. Глупец! Смешной осел! Мой король — восковая кукла, а ты — его защита!

Кумбха. Но, право, дедушка, он — гордый бог, чудо красоты: в этом многолюдии я не вижу другого лица, которое можно было бы поставить рядом с его несравненной, нежной красотой.

Дед. Если бы моему королю нужно было явиться перед людьми, твои глаза не различили бы его. Он не может выделяться среди других, он — один из множества, он смешивается с толпой простых людей.

Кумбха. Но разве я не говорил тебе, что видел его знамя?

Дед. А какой знак ты видел на его знамени?

Кумбха. Изображение красного цветка — огненно-яркий пурпур ослепил мои глаза.

Дед. На знамени моего короля — молния и лотос.

Кумбха. Но все говорят, что король принимает участие в этом празднестве — решительно все.

Дед. Конечно, принимает, но у него нет ни глашатаев, ни силы ратной, ни двора, ни музыки, ни огней, сопровождающих его.

Кумбха. Но в таком случае, никто не может узнать его.

Дед. Быть может, есть немногие, могущие узнать.

Кумбха. А тем, кто может узнать короля, — дает ли он все, чего бы они ни просили?

Дед. Но они не просят ничего. Нищий никогда не узнает короля. Тот, кто более нищ, представляется королем глазам того, кто менее нищ. Глупец, — человек в пурпуре и золоте, вышедший сегодня просить у тебя милостыни, — вот кого ты провозглашаешь своим королем! Ах, вон там идет мой безумный друг! Пойдемте, братья. Нам нельзя тратить свой день в болтовне и праздных спорах — предадимся теперь безумной резвости, дикому веселью.

(Входит безумный друг и поет).

*Вы улыбаетесь, друзья мои? Иль вы смеетесь, братья?
Я блуждаю в погоне за золотым оленем,
Ах, быстроногое виденье вечно ускользает от меня!
Ах, он мелькнет и вспыхнет огоньком, и снова пропадет,
Неукротимый скиталец пустыни.
Крадись к нему — он вмиг умчится вдаль,
Оставив тучу тьмы и пыли перед глазами.
Но я блуждаю в погоне за золотым оленем,
Хотя его мне в чаще не поймать!
Ах, я плетусь по дебрям и полям
И странам безымянным, как бродяга,
Незнающий покоя,
И не тужу в скитаньях о возврате.
Вы все, окончив торг дневной на рынках,
Опять в свой дом спешите с ношей хлеба.
Меня же ветер высей неприступных коснулся
поцелуем — когда и где, не знаю!
Мой кров, мой хлеб я бросил, чтоб стяжать
то, что моим не будет никогда.
И вот ваш суд решил, что я терзаюсь и слезы лью
о том, что я утратил.
Я с хохотом и вечной болью в сердце всю боль и
скорбь оставил позади.
Ах, я брожу, бездомный, по лесам,
и по полям и странам безымянным —
и не тужу в скитаньях о возврате!*

II.

Темный чертог. Королева Сударшана. Ее служанка Сурангама.

Сударшана. Света! Света! Где свет? Разве никогда не зажгут светильника в этом чертоге?

Сурангама. Королева, другие твои покои все освещены — разве тебе никогда не хочется укрыться от света в темную комнату, как вот эта?

Сударшана. Но зачем в этой комнате нужен мрак?

Сурангама. Иначе ты не знала бы ни света, ни тьмы.

Сударшана. Живя в этом темном чертоге, ты и говорить стала темно и странно — я не могу понять тебя. А скажи, в какой части дворца расположен этот покой? Я не могу понять, где здесь вход, где выход?

Сурангама. Этот покой расположен очень глубоко, в самом сердце земли. Король выстроил этот чертог именно для тебя.

Сударшана. У него немало дворцов — зачем ему понадобилось устраивать для меня этот темный чертог?

Сурангама. С другими ты можешь встречаться в освещенных залах, но только в этом темном покое может явиться тебе твой господин.

Сударшана. Нет, нет — я не могу жить без света, я не знаю покоя в этом давящем мраке! Сурангама, если ты принесешь свет в этот чертог, я тебе отдам мое ожерелье.

Сурангама. Это не в моей власти, королева. Как я могу приносить свет туда, где, по Его замыслу, всегда должна быть тьма?

Сударшана. Странная преданность! А разве неправда, что король покарал твоего отца?

Сурангама. Да, правда. Мой отец был закоренелый игрок. Все молодые люди страны собирались в доме у моего отца — и они пили и играли.

Сударшана. А когда король приговорил твоего отца к изгнанию, разве это не было для тебя горькой обидой?

Сурангама. Ах, я пришла в ярость! И я была на том же пути гибели и разрушения. И когда этот путь закрыли для меня, я точно осталась без всякой опоры, без всякой помощи и приюта. Я металась в ярости и бешенстве, как дикий зверь в клетке, — я способна была растерзать всех в своем бессильном гневе.

Сударшана. И как ты могла проникнуться преданностью к такому королю?

Сурангама. Как я могу сказать? Быть может, я должна была дове-

риться и подчиниться ему потому, что он был так суров, так безжалостен!

Сударшана. Когда же твое чувство изменилось?

Сурангама. Не могу сказать — я сама не знаю. Настал день, когда моя возмущенная душа увидела, что она побита, и все мое существо, в смиренном подчинении, поникло во прахе земли. И тогда я увидела... Я увидела, что он одинаково несравнен и во славе, и в гневе. Ах, я была спасена, я была спасена!

Сударшана. Скажи мне, Сурангама, умоляю тебя, — не знаешь хоть ты, каков король на вид. Я не видела его. Он приходит ко мне во мраке и снова покидает меня в этом темном чертоге. Сколько я ни спрашивала — все дают неопределенные и темные ответы, — словно что-то скрывают.

Сурангама. Сказать тебе правду, королева, я не могла бы определить, каков он на вид. Нет, он не красив, как это называется у людей.

Сударшана. Не может быть? Не красив!

Сурангама. Нет, королева, он не красив. Назвать его прекрасным, значило бы сказать о нем слишком мало.

Сударшана. Все твои слова темны, странны и неопределенны. Я не могу понять, что ты хочешь сказать.

Сурангама. Нет, я не назову его красивым. Но ведь только потому, что он не красив, он так удивителен, так чудесен!

Сударшана. Я совсем не понимаю тебя — хотя мне приятно слушать, как ты говоришь о нем. Но я должна увидеть его, во что бы то ни стало! Я даже не помню дня, когда я вступила с ним в брак. Я слышала от матери, что перед моей свадьбой приходил какой-то мудрец и сказал: «Тому, кто возьмет твою дочь, нет равного здесь, на земле». Сколько я ни просила ее описать мне его лицо, она отвечала лишь неопределенно и говорила, что не может сказать, что сама видела его сквозь покрывало, мельком и смутно. Но раз он лучший среди людей, как я могу примириться с тем, что не вижу его?

Сурангама. А ты не чувствуешь легкого дуновения?

Сударшана. Дуновения? Где?

Сурангама. И нежного благоухания не чувствуешь?

Сударшана. Нет, не чувствую.

Сурангама. Широкая дверь раскрылась... он идет; мой король идет сюда!

Сударшана. Как ты можешь чувствовать его приход?

Сурангама. Я не могу сказать: мне кажется, что я слышу его шаги в своем собственном сердце. Даже в первый день, когда он поручил мне смотреть за этим чертогом и сказал: «Пусть этот покой будет всегда готов

для меня: вот вся твоя работа», — я не просила, даже в мыслях: «Ах, возложи на меня труд тех, кто должен освещать другие покои». Нет, как только я всей душой моей ушла в мою заботу, сила пробудилась и крепла во мне, и подчиняла во мне каждое мое побуждение, без борьбы... и я могу знать и чувствовать, не видя.

Сударшана. Если бы и у меня могла появиться такая сила, Сурангама!

Сурангама. Появится, королева... Эта сила раскроется в тебе. Твоя жажда увидеть его лишает тебя покоя, и все твои помыслы сосредоточены и устремлены в одном направлении. Когда ты преодолешь это лихорадочное беспокойство, все будет очень легко.

Сударшана. Почему же то, что легко тебе, служанке, так трудно мне, королеве?

Сурангама. Я — только служанка, вот почему никакие преграды не останавливают меня... Ах, вот он идет!.. Он стоит там, за дверью... Господин! Король!

(Песня, за сценой).

Открой мне дверь твою. Я жду.

Путь света от зари до тьмы, путь дня свершен,

Уже взошла вечерняя звезда.

И собрала ли ты свои цветы, заплела ли ты свои косы?

И облеклась ли в белые одежды, твой наряд ночной?

Стада пришли в свои стойла, и птицы в своих гнездах.

И все пути-распутья, что вели

Во все концы, слились во тьме в один.

Открой мне дверь твою. Я жду.

Сурангама. Король, кто может держать твои двери закрытыми перед тобой? На них нет ни замков, ни засовов, — они раскроются настежь, едва ты коснешься их своими пальцами. Неужели ты не коснешься их? Неужели ты не войдешь, если я не открою дверей?

(Песня).

*Одним дуновеньем ты можешь совлечь мое покрывало,
мой господин.*

И если я усну во прахе и не услышу зова твоего,

Ужель ты будешь ждать, пока я вновь проснусь?

И гром твоей бегущей колесницы не потрясет земли?

*Ужель ты властно двери не раскроешь
И в свой же дом, незваный, не войдешь?*

Сурангама. Иди же, королева, открой ему дверь: иначе он не войдет.

Сударшана. Я плохо различаю во мраке — я не знаю, где дверь. Тебе здесь все знакомо, — открой дверь вместо меня.

(Сурангама открывает дверь, поникает перед Королем и уходит. Король остается невидимым во всей этой пьесе).

Сударшана. Почему ты не позволяешь мне видеть тебя при свете?

Король. Значит, тебе нужно видеть меня среди тысячи созданий, при ярком свете дня? А почему мне нельзя быть тем единственным, кого ты можешь чувствовать в этой комнате?

Сударшана. Но я должна видеть тебя — я жажду увидеть тебя!

Король. У тебя не хватит сил вынести мой вид; он причинит тебе страдание, острое и чрезмерное.

Сударшана. Как ты можешь говорить, что у меня не хватит сил вынести твой вид? Ах, даже в этом мраке я могу чувствовать, как ты красив и удивителен, — как я могла бы бояться тебя при свете? Но скажи, ты сам можешь видеть меня во мраке?

Король. Да, могу.

Сударшана. Что ты видишь?

Король. Я вижу, как сумрак бесконечных небес, врываясь вихрем в жизнь и бытие силой моей любви, поглотил свет мириады звезд и воплотился в образе из плоти и крови. И сколько в этом образе вековых дум и порывов, неизреченной жажды безграничных небес, несметных даров бесчисленных времен!

Сударшана. Я так изумительна, так прекрасна!? Когда я слушаю тебя, мое сердце преисполняется ликованием и гордостью. Но как мне поверить чудесам, о которых ты говоришь? Я не могу найти их в себе.

Король. Твое зеркало не может отразить их. Оно искажает тебя, ограничивает тебя, превращает тебя в маленькую и ничтожную. Но если бы ты могла увидеть свое отражение в моем духе, в каком величии предстала бы ты! В моем сердце ты уже не будничное существо, как ты мыслишь о себе, — ты воистину мое второе я.

Сударшана. Ах, покажи мне хоть на миг, как глядеть твоими глазами! Разве нет мрака для тебя? Мне страшно подумать. Разве весь этот мрак, действительный и грозный для меня, как смерть, — ничто для тебя? Как же возможен союз между нами здесь? Нет, нет — он невозможен, между нами преграда: не здесь, нет, только не здесь! Я должна найти тебя

и увидеть тебя там, где я вижу деревья и животных, птиц, и камни, и землю...

Король. Хорошо, ты можешь попытаться увидеть меня, но тебе никто не укажет меня. Ты должна узнать меня сама, если только можешь. Ведь если даже кто-нибудь предложит тебе показать меня, как ты можешь быть уверена, что он говорит правду?

Сударшана. Я узнаю тебя, я сама узнаю. Я отыщу тебя среди миллионов людей! Я не могу ошибиться.

Король. Хорошо, сегодня ночью, во время праздника весеннего полнолуния, ты попытаешься отыскать меня с высокой башни моего дворца — отыскать меня своими собственными глазами, среди толпы народа.

Сударшана. А ты будешь в толпе?

Король. Я буду появляться в толпе вновь и вновь, во всех местах. Сурангама!

(Входит Сурангама).

Сурангама. Что тебе угодно, господин?

Король. Сегодня праздник весеннего полнолуния.

Сурангама. Что я должна исполнить сегодня?

Король. Сегодня — праздник, а не день труда. Сады в полном цвету, ты в них примешь участие в моем празднестве.

Сурангама. Я исполню твою волю, господин.

Король. Королеве нужно видеть меня своими собственными глазами.

Сурангама. А где королева хочет увидеть тебя?

Король. Где нежнее всего будет звучать музыка, где воздух будет полон цветочной пылью, — в саду серебряного света и мягкого сумрака.

Сурангама. А что можно увидеть в этой игре тьмы и света? Там ветер дик и мятежен, и все там — пляска и легкое шествие, — не ослепит ли это глаз?

Король. Королеве любопытно найти меня.

Сурангама. Любопытству придется вернуться обманутым и в слезах.

(Песня).

Ах, им хочется улететь,

Беспокойным, блуждающим глазам, диким птицам лесов!

Но время непокорности пройдет

И их полет окончится, когда

Настигнет их напевный голос чары и их сердца пронзит.

Ах, диким птицам впредь летать в пустыне!

III.

Перед садами. Входят Аванти, Кошала, Канчи и другие короли.

Аванти. Значит, здешний король не хочет встретить нас?

Канчи. Странно здесь управляют страной. Король устраивает празднество в лесу, куда легко может получить доступ даже чернь.

Кошала. Для нашего приема должны приготовить совсем отдельное место.

Канчи. И если он ничего не приготовил, мы заставим его соорудить для нас возвышение.

Кошала. Все это внушает подозрение, что у этих людей вообще нет короля, — по-видимому, ни на чем не основанные слухи ввели нас в заблуждение.

Аванти. Поскольку речь идет о короле, — но здешняя королева Сударшана вовсе не ложный слух.

Кошала. Я только ради нее и явился сюда. Я, конечно, с радостью воспользуюсь случаем повидать того, кто никогда не показывается, но если мы уедем, даже не взглянув на ту, кого очень стоит увидеть, будет просто глупо.

Канчи. Нужно составить какой-нибудь определенный план.

Аванти. План — превосходная вещь, пока ты сам не запутался в нем.

Канчи. Постойте, что это за мерзость ползет сюда? Эй, кто вы? (Входит Дед, с толпой детей).

Дед. Мы — веселое Сообщество Неимущих.

Аванти. Излишнее предисловие. И вы потрудитесь убраться чуточку подальше и оставить нас в покое.

Дед. Мы никогда не страдаем от недостатка пространства: мы можем предоставить вам места, сколько хотите. То малое, чем мы довольствуемся, не может быть яблоком раздора в кругу тех, кто мог бы иметь притязание на него. Не правда ли, мои маленькие друзья?

(Они поют).

Нет у нас ничего, право, нет ничего!

Мы лишь радостно поем — ла-ла, ла-ла!

Люди строят высокие стены домов

среди топей песков золотых.

Мы пред ними стоим и поем — ла-ла, ла-ла!

А там, где воры вдруг обступят нас,
и алчным взглядом каждого почтут,
Мы, вытряхнув порожние карманы,
поем — ла-ла, ла-ла, ла-ла!
Когда же смерть стучится в нашу дверь,
Мы старой ведьме пальцами грозим
И весело поем на все лады — ла-ла, ла-ла, ла-ла!

Канчи. Посмотри, Кошала, что там идет сюда? Пантомима? Кто-то нарядился королем?

Кошала. Может быть, здешнего короля забавляют все эти дурачества, но что до нас, — увольте!

Аванти. Очевидно, он правит областью где-нибудь в глуши.
(Входит пешая стража).

Канчи. Из какой страны прибыл ваш король?

Первый воин. Он — король здешней страны. Он отправляется на празднество. (Они уходят).

Кошала. Как? Здешний король собирается на празднество?

Аванти. Ну, ну! Значит, мы вернемся домой, повидав только его одного, а прелестной королевы так и не увидим?

Канчи. А ты думаешь, что этот человек сказал правду? Каждый может выдать себя за короля в этой, никем не управляемой, стране. Разве ты не видишь, что этот человек просто нарядился королем — и вдобавок слишком пестро.

Аванти. Но он красив — его наружность не лишена известного обаяния.

Канчи. Его вид может ласкать твой глаз, но если присмотреться к нему поближе, тут уж нельзя ошибиться. Ты увидишь, как я изобличу его, в присутствии всех вас.

(Возвещенный фанфарами, входит Лжекороль).

Лжекороль. Добро пожаловать, принцы, в наше царство! Надеюсь, мои придворные чины достойным образом приняли вас?

Короли. (С деланной учтивостью). О да, мы ни в чем не ощущаем недостатка.

Канчи. А если и были недочеты, они сугубо восполнены счастьем нашего лицезрения вашего величества.

Лжекороль. Народу вообще мы совсем не показываемся, но ваша преданность и верность так велика, что нам только приятно не лишать вас нашего личного приветствия.

Канчи. Ваше величество, мы решительно подавлены вашей благо-склонной милостью.

Лжекороль. Мы боимся, что нам нельзя будет долго оставаться здесь.

Канчи. Я так и думал: совсем не похоже, чтобы вы остались.

Лжекороль. Но пока мы здесь, если вам нужна наша милость...

Канчи. Как не нужна: только нам хотелось бы побеседовать более частным образом.

Лжекороль. (Своим приближенным). Оставьте нас наедине. (Приближенные уходят). Теперь вы можете изложить вашу просьбу без малейшего стеснения.

Канчи. Что до нас, мы не намерены стесняться — мы только боимся, как бы вам самим не показалось тягостным...

Лжекороль. Ах, нет, на этот счет не извольте беспокоиться.

Канчи. В таком случае, изволь поклониться нам до самой земли.

Лжекороль. Кажется, мои слуги не в меру были усердны, угощая вас в приемных палатах.

Канчи. Самозванец, скорее ты сам страдаешь чрезмерной наглостью! Твоя голова скоро будет целовать землю!

Лжекороль. Принцы, подобные шутки недостойны короля!

Канчи. Сейчас начнут шутить с тобой так, как должно. Генерал!

Лжекороль. Нет, нет, не надо, умоляю тебя! Я вижу ясно, что мне следует всем вам покориться. Моя голова сама склоняется, и вовсе не нужно применять острые методы, чтобы она коснулась земли. Я всем вам бью челом! И если вам благоугодно позволить мне бежать, я не стану долее обременять вас своим присутствием.

Канчи. Зачем бежать? Мы сделаем тебя здешним королем — нужно довести шутку до конца. Есть у тебя сторонники?

Лжекороль. Все, кто только увидит меня на улицах, следуют за мной. На первых порах, когда у меня была жиденская свита, все смотрели на меня подозрительно, а теперь, с нарастанием толпы, всякие сомнения слабеют и исчезают. Толпа зачарована своей собственной многочисленностью. Теперь мне уже не нужно хлопотать.

Канчи. Превосходно! С этого мгновенья все мы обещаем поддерживать и защищать тебя. Только вот что — услуга за услугу.

Лжекороль. Ваши приказания и венец, который вы возлагаете на мою голову, в одинаковой степени и обязывают, и священны для меня.

Канчи. В настоящее время нам просто нужно видеть королеву Сударшану. И твое дело устроить это.

Лжекороль. Приложу все мое усердие.

Канчи. На твое усердие мы не очень полагаемся — ты будешь всецело руководиться нашими инструкциями. А теперь ты можешь отправляться, со всем блеском и пышностью, в королевский шатер.

(Они уходят. Входит Дед с группой горожан).

Первый горожанин. Дедушка, я не могу не сказать, и не могу не повторить пятьсот раз, что наш король — сплошной обман.

Дед. А почему только пятьсот раз? Нет нужды прибегать к такому героическому самообузданию — ты можешь говорить и пять тысяч раз, если тебе от этого слаще.

Второй горожанин. Но нельзя же вечно терпеть мертвую ложь.

Дед. Она дала мне жизнь, мой друг.

Третий горожанин. Мы провозгласим на весь мир, что наш король — ложь, пустая тень!

Первый горожанин. Все мы будем кричать с наших крыш, что у нас нет короля, — и пусть он действует, как хочет, если он существует.

Дед. Он будет бездействовать.

Второй горожанин. У меня безвременно скончался сын, в двадцать пять лет, от горячки, в одну неделю. Разве подобное горе могло бы постичь меня под скипетром истинного короля?

Дед. Но у тебя остались еще два сына: а я потерял всех моих пятерых детей, одного за другим.

Третий горожанин. И что же ты говоришь теперь?

Дед. Что мне говорить? Разве, потеряв своих детей, я должен еще потерять и моего короля? Не так я глуп!

Первый горожанин. Восхитительное занятие — затевать спор о том, есть ли король, или нет, когда человек просто-напросто умирает с голода! Разве король спасет нас?

Дед. Брат, ты прав. Почему же не найти того короля, в чьих руках весь хлеб и насыщение? Но вы, конечно, не найдете его, горюя в ваших домах.

Второй горожанин. Нет, какова справедливость нашего короля! Достаточно одного Бхадрасены, — вы знаете, как он бывает умилителен, когда говорит о своем короле, сентиментальный идиот! Он дошел до такой нищеты, что даже летучие мыши, облепившие его дом, считают его кровлю неудобным пристанищем!

Дед. Но ты посмотри на меня! Я тружусь и надрываюсь день и ночь, служа моему королю, однако я не получаю ни полушки за свои труды!

Второй горожанин. И что же ты думаешь об этом?

Дед. А что мне думать? Разве мы награждаем своих друзей? Идите,

друзья мои, и утверждайте, если вам угодно, что наш король — пустая тень. Ведь и это входит в торжественный порядок нашего празднества.

IV.

Башня в королевском дворце. Сударшана и ее подруга Рохини.

Сударшана. Ты можешь ошибиться, а мне нельзя ошибиться, ведь я королева. Конечно, это — мой король!

Рохини. Он облек тебя таким высоким почетом, и он не может долго скрываться от тебя.

Сударшана. Уже один его образ встревожил меня, как птицу в клетке. Ты точно проверила, кто он?

Рохини. Да, проверила. Кого я ни спрашивала, все подтверждали, что это был король.

Сударшана. Король какой страны?

Рохини. Нашей страны. Король этой земли.

Сударшана. А ты вполне убеждена, что говоришь о том, над чьей головой держали зонт из цветов?

Рохини. Да, да: на чьем знамени было изображение цветка.

Сударшана. Я, конечно, сразу узнала его, а вот у тебя возникло сомнение.

Рохини. Нам легко ошибиться, королева, и мы боимся, что наша ошибка оскорбит тебя.

Сударшана. Ах, если бы Сурангама была здесь, тогда бы уже не было сомнений!

Рохини. Ты думаешь, что она умнее нас?

Сударшана. Ах, нет, но она с первого взгляда узнала бы его.

Рохини. Не думаю, чтобы узнала. Она только делает вид, что знает его. Ведь некому проверить ее знания, сколько бы она ни утверждала, что знает короля. Будь мы столь же бесстыдны, как она, и нам было бы не трудно похвастать нашим близким знакомством с королем.

Сударшана. Да нет же, она никогда не хвастает!

Рохини. Все это — одно притворство, и оно гораздо опаснее, чем явная хвастовство. Хитрить она — мастерица: вот почему мы так не любим ее.

Сударшана. Ну и пусть, а мне все-таки хочется разузнать у нее!

Рохини. Хорошо, королева, я позову ее сюда. Она должна быть счастлива, что без нее королева не может узнать короля!

Сударшана. Ах, нет, не в этом дело — мне просто хочется, чтобы все подтвердили.

Рохини. А разве не все подтверждают? Как? Ты только послушай: ликующие крики народа доносятся даже до этой башни.

Сударшана. Тогда ты вот что сделай: положи эти цветы на лист лотоса и отнеси их ему.

Рохини. А что я должна сказать, если он спросит, кто их прислал?

Сударшана. Тебе ничего не придется говорить — он сам будет знать. Он думал, что я так не узнаю его: я хочу показать ему, что я нашла его.

(Рохини уходит с цветами).

Сударшана. Мое сердце полно тревоги сегодня: у меня еще никогда не было такого чувства. Белый серебряный свет полнолуния наполнил небеса и переливается через все края, как кипящая пена вина... Он овладевает мною, как нега, как веселящая отравка. Войдите, кто там?

(Входит служанка).

Служанка. Что вам угодно, ваше величество?

Сударшана. Ты видишь этих детей, в праздничном шествии поющих в аллеях сада? Позови их сюда, приведи их ко мне: я должна послушать их песню. (Служанка уходит и приводит детей). Войдите, живые образы юной весны, начинайте вашу праздничную песню: вся моя душа и все мое тело — песня и музыка сегодня, но этой несказанной мелодии не может выразить мой язык: пойте вы за меня.

(Песня).

Моя скорбь сладка мне в эту вешнюю ночь!

Моя печаль взрывает струны моей любви и тихо поет.

Видения рождаются в печали глаз моих

И улетают к лунным небесам.

Все благовонье чащ лесных проникло в сны мои.

Слова, как шепот, льются вдруг в мой слух неведомо откуда.

И звон моих запястий на ногах

Сливается с моим дрожащим сердцем.

Сударшана. Довольно, довольно — я больше не могу! Ваша песня наполнила мои глаза слезами... Мне приходит на мысль, что желание никогда не может и не должно приводить к достижению. Какой кроткий отшельник лесов научил вас этой песне? Ах, если бы мои глаза могли видеть того, чью песню слышали мои уши! Ах, как я жажду, — жажду бродить под густыми лесными сводами сердца! Милые отроки пустыни! Чем мне отплатить вам? Это ожерелье сделано из одних алмазов, жестких

камней, — их жесткость причинит вам боль. У меня нет ничего, а на вас венки из цветов...

(Дети кланяются и уходят. Входит Рохини).

Сударшана. Что я сделала, что я сделала! Рохини, мне стыдно даже спрашивать, что там произошло. Я убедилась, что в действительности ни одна рука не может принести величайший из даров. Но ты расскажи мне, как все было.

Рохини. Когда я отдала королю твои цветы, он по—видимому, не понял ничего.

Сударшана. Не может быть? Не понял?

Рохини. Нет, он сидел и молчал, как кукла. Я думаю ему нельзя было показать, что он ничего не понял, вот он и держал язык за зубами.

Сударшана. Какой позор! Мое бесстыдство наказано по заслугам. Почему же ты не принесла назад моих цветов?

Рохини. Разве я могла? Король Канчи, как умный человек, быстро сообразил, в чем дело, улыбнулся и сказал: «Повелитель, королева Сударшана посылает вашему величеству свой привет и эти цветы — цветы бога Любви, покровителя Весны». Король вздрогнул, точно проснулся, и заговорил: «Это венец всей моей царской славы сегодня». Вне себя от негодования, я решила тотчас же уйти, но Канчи, сняв с королевской особы вот это драгоценное ожерелье, сказал: «Друг, королевское ожерелье само отдает себя в награду за счастье, которое ты принесла».

Сударшана. Значит, Канчи пришлось учить короля? Горе мне, сегодняшнее празднество раскрыло предо мною дверь бесчестья и позора! Чего еще мне было ждать? Оставь меня Рохини; мне нужно побыть одной. (Рохини уходит). Суровый удар поверг во прах всю мою гордость сегодня, и все-таки... Я не могу уничтожить в моей душе этот прекрасный, обольстительный образ! Я утратила гордость — побита, побеждена, совершенно беспомощна... Я даже не могу уйти от него. Ах, меня охватывает желание — взять себе ожерелье у Рохини! Но что она подумает? — Рохини!

(Входит Рохини).

Рохини. Что тебе угодно?

Сударшана. Какую награду ты заслужила сегодня за услугу?

Рохини. От тебя — ничего: я получила награду от короля.

Сударшана. Но ведь это не свободный дар, а вынужденная благодарность. Мне неприятно, что ты получаешь дар, протянутый с таким безразличием. Сними его, я отдам тебе мои запястья, а ожерелье оставь здесь. Возьми эти запястья и ступай!

(Рохини уходит).

Сударшана. Новое падение! Мне лучше было бросить это ожерелье, — но я не могла! Оно колючее, точно это — венок из терний, но я не могу бросить его! Вот все, что бог праздника послал мне сегодня, — ожерелье бесчестия и позора!

V.

Дед у входа во дворец для игрищ. Несколько участников в празднестве.

Дед. Вам тоже досталось вдоволь, друзья?

Первый мужчина. Ах, даже слишком, дедушка! Смотри, я весь красный. Никто не уцелел.

Дед. Никто? Значит, королей тоже осыпали красным порошком?

Второй. Разве до них доберешься? Они сидели за оградой.

Дед. Значит, они уцелели? И вы не бросили в них ни горсточку порошка? Вам следовало ворваться силой к ним.

Третий. Милый старик, у них и своего красного цвета достаточно. Глаза у них красные, тюрбаны у их телохранителей и придворных тоже красные. А их стража так усердно размахивала своими мечами, что дальнейшее приближение к ним привело бы к обильному излиянию жизненной красной влаги.

Дед. И отлично сделали, друзья, — всегда держите их на некотором расстоянии. Они изгнанники земли — и да будет так.

Третий. Мне пора домой, дедушка; уже за полночь.

(Уходит. Входит группа певцов и поет).

*Все черное и белое утратило различья
И стало красным, точно краска ног твоих.
Моя одежда красная, и сны мои красные,
И сердце у меня дышит и трепещет,
Как красный лотос.*

Дед. Отлично, друзья мои, великолепно! Значит, вы повеселились на славу?

Певец. Ах, дедушка! Все было красное, красное. Один месяц в небе поотстал от нас — был бледен, как всегда.

Дед. Он только представляется таким невинным снаружи. Снимите

с него белую маску, и вы обнаружите его обман. Я видел, сколько красных цветов он раскрыл сегодня на земле. И, все-таки, он оставался белым и бесцветным все время.

(Песня).

*С тобой мой спор — игра, любовь, моя любовь!
В безумной тяжбе сердце не уступит.
Ты думаешь уйти необагреной,
Осыпав красным порошком меня?
Иль я твоей одежды не окрашу
Красной пылью с цветка моего сердца?*

(Входят Лжекороль и Канчи).

Канчи. Ты должен сделать точь-в-точь, как я сказал. Смотри, как бы чего не испортить.

Лжекороль. Ничего не испортим.

Канчи. Комнаты королевы Сударшаны находятся...

Лжекороль. Да, господин, я отлично изучил расположение дворца.

Канчи. Первое, что ты должен сделать, — поджечь сад, а потом, пользуясь тревогой и замешательством, быстро доверши остальное.

Лжекороль. Буду помнить.

Канчи. Но вот что, господин самозванец, мне все кажется, что нас останавливает совершенно напрасное опасение — в этой стране вовсе нет короля!

Лжекороль. Вся моя забота — спасти эту страну от анархии. Простой народ не может жить без короля, а настоящий ли это король, или призрак, — безразлично. Анархия всегда — источник опасности.

Канчи. Смирный благодетель народа, твое изумительное самопожертвование, право, должно служить всем нам примером. Я сам думаю оказать эту чрезвычайную услугу народу.

(Они уходят).

VI.

(Входит Рохини).

Рохини. Что случилось? Я не могу понять, что все это значит?
(Садовникам). Куда вы все так торопитесь?

Первый садовник. Мы уходим из сада.

Рохини. Куда?

Второй садовник. Мы не знаем, куда, — король нас звал.

Рохини. Но ведь король здесь, в саду. Какой король вас звал?

Первый садовник. Мы не можем сказать.

Второй. Король, которому мы служим всю свою жизнь, конечно.

Рохини. И вы все хотите уйти?

Первый садовник. Да, все, — мы должны немедленно уйти. Иначе нам грозит беда. (Они уходят).

Рохини. Я не могу понять их слов... Мне страшно! Они бегут, как дикие звери, когда берег реки должен обвалиться в воду.

(Входят король Кошала).

Кошала. Рохини, ты не знаешь, куда ушел ваш король и Канчи?

Рохини. Они где-нибудь в саду, но я не могу сказать, где.

Кошала. Я решительно не могу понять, каковы у них намерения. Напрасно я доверился Канчи. (Уходит).

Рохини. Что за темное дело затеяли эти короли? Что-то страшное готово разразиться. Неужели меня тоже запутают в эту историю?

(Входит Аванти).

Аванти. Рохини, ты не знаешь, где остальные короли?

Рохини. Трудно сказать, где кто из них находится. Король Кошала только что ушел вот в эту сторону.

Аванти. Кошала мне не нужен. А где ваш король и Канчи?

Рохини. Я их уже давно не видела.

Аванти. Канчи все время избегает нас. Он хочет всех нас обмануть. Напрасно я ввязался во всю эту путаницу. Друг, не будешь ли ты любезна сказать, как мне выбраться из этого сада?

Рохини. Я и сама не знаю.

Аванти. А разве тут некому проводить меня к выходу?

Рохини. Все слуги ушли из сада.

Аванти. Почему же они ушли?

Рохини. Я не совсем поняла причину их ухода. Они говорили, будто король приказал им немедленно покинуть сад.

Аванти. Король? Какой король?

Рохини. Они не умели точно сказать.

Аванти. Час от часу не легче! Я должен найти выход — во что бы то ни стало. Я не могу оставаться здесь больше ни минуты.

(Быстро уходит).

Рохини. Где мне найти короля? Когда я отдала ему цветы королевы, он, кажется, не обратил на меня внимания, а потом он вдруг стал осыпать

меня приношениями и подарками. Эта непонятная щедрость пугает меня... Куда летят птицы в этот час ночи? Что их спугнуло вдруг? Обыкновенно они в это время не летают... Зачем любимая лань королевы бежит сюда? Чапата! Чапата! Она даже не слышит моего зова. Такой ночи я еще не видела! Небо кругом становится красным, как глаза безумного! Как будто солнце садится в этот неурочный час одновременно со всех сторон. Что значит это безумие Всемогущего?.. Ах, мне страшно!.. Где мне найти короля?

VII.

У двери во дворец королевы.

Лжекороль. Что ты сделал, Канчи!

Канчи. Мне нужно было сжечь только эту часть сада, прилегавшую к дворцу. Я не думал, что огонь распространится так быстро во все стороны. Скажи скорее, как мне выбраться из этого сада?

Лжекороль. Я тебе ничего не могу сказать. Те, что привели нас сюда, все разбежались.

Канчи. Но ты родился здесь, — ты должен знать дорогу.

Лжекороль. Я еще никогда не был в королевских садах.

Канчи. Мне все равно — ты должен указать мне дорогу, или я разрублю тебя пополам.

Лжекороль. Ты можешь лишить меня жизни, но этот сомнительный метод не поможет тебе выбраться из сада.

Канчи. Зачем же ты утверждал, что ты — король этой страны?

Лжекороль. Я не король, я не король! (Сложив руки, бросается на землю). Кто ты — мой король? Спаси меня, ах, спаси меня! Я — мятежник... Карай меня, но не убивай меня!

Канчи. Что пользы пресмыкаться и кричать в пустоту? Лучше искать выход отсюда.

Лжекороль. Я буду лежать здесь, я не двинусь с места. Будь, что будет, я встречу все без ропота.

Канчи. Нет, я не допущу. Глупости! Если меня ждет смерть в огне, ты разделишь мою участь до конца.

Лжекороль. Ах, спаси нас, спаси нас, король! Мы со всех сторон охвачены огнем!

Канчи. Безумец, встань, не теряй больше времени!

Сударшана. (Входя). Король, мой король! Спаси меня, спаси меня от смерти! Я охвачена огнем!

Лжекороль. Кто — король? Я не король!

Сударшана. Ты не король?

Лжекороль. Нет, я — лицемер, я — негодяй! (Швыряет свою корону на землю). Пусть мой обман и мое лицемерие разобьются в прах! (Уходит вместе с Канчи).

Сударшана. Не король? Он не король! Тогда, о Бог огня, сожги меня, преврати меня в пепел! Я предаюсь в твои руки, великий очиститель, преврати в пепел мой стыд, мою тоску, мое желание!

Рохини (входя). Королева, куда ты идешь? Все твои комнаты объятые бушующим пламенем — не входи туда!

Сударшана. Да! Я иду в эти пылающие комнаты. Это — огонь моей смерти!

(Входит во дворец).

VIII.

Темный чертог. Король и Сударшана.

Король. Не бойся, тебе нечего бояться. Огонь не достанет этой комнаты.

Сударшана. Я не боюсь — но, ах, стыд сопровождает меня, как этот бушующий огонь! Мое лицо, мои глаза, мое сердце, каждая частица моего тела зажглась и горит его пламенем!

Король. Нужно время, пока ты пройдешь сквозь этот сжигающий огонь.

Сударшана. Этот огонь никогда не погаснет, никогда не погаснет!

Король. Не падай духом, королева!

Сударшана. Король, я ничего не скрою от тебя... На шее у меня ожерелье, принадлежащее другому.

Король. И это ожерелье — мое, — иначе откуда ему взять его? Он украл его из моей комнаты.

Сударшана. Но это — его дар мне, и все-таки я не могла сорвать это ожерелье! Когда бушующее пламя обступило меня со всех сторон, я думала бросить это ожерелье в огонь. Но нет, не могла! Моя душа шептала: «Пусть это ожерелье останется на тебе в твой смертный час...» Что это за огонь, король, в который я попала, придя взглянуть на тебя? Какая боль,

ах, какая пытка! Огонь жжет, все с той же яростью, а я иду, живая, среди его пламени!

Король. Но ты увидела меня — твоё желание исполнилось.

Сударшана. А разве я стремилась увидеть тебя среди этого ужаса? Не знаю, что я видела, но сердце у меня ещё и сейчас дрожит и бьётся от страха.

Король. Что же ты видела?

Сударшана. Ужасно, ах, это было ужасно! Мне страшно даже вспомнить! Чёрный, чёрный, ах, ты был черен, как вечная ночь! Я смотрела на тебя лишь один страшный миг. Отблеск пламени упал на твоё лицо — ты был, как зловещая ночь... Ах, я закрыла глаза — я больше не могла смотреть на тебя. Чёрный, как зловещая грозовая туча, чёрный, как безбрежное море, с красным заревом в клочущих валах!

Король. Разве я не предупреждал тебя, что мой вид невыносим тому, кто ещё не готов ко встрече со мной? Он должен бежать от меня на край земли. Я видел это столько раз — без счёта! Вот почему мне нужно было открываться тебе медленно и постепенно, а не так внезапно.

Сударшана. Но пришел грех и разбил все твои надежды — сама возможность союза с тобой стала теперь невыносима для меня!

Король. Он возможен, королева. Глубокая и холодная чернота, которая сегодня потрясла твою душу страхом, станет некогда твоим утешением и спасением. Иначе для чего может существовать моя любовь?

Сударшана. Не может быть, невыносимо! Что может совершить твоя любовь, одна? Моя любовь теперь отвернулась от тебя. Красота бросила свои чары на меня, и это безумие, эта отравка, никогда не покинет меня, она ослепила и зажгла мои глаза, она коснулась своим золотым колдовством даже моих снов! Теперь я открылась тебе во всем — карай меня, как хочешь!

Король. Кара уже началась.

Сударшана. Но если ты не оттолкнешь меня... я сама покину тебя!

Король. Ты вполне свободна поступать, как хочешь.

Сударшана. Мне невыносимо твоё присутствие! Мое сердце кипит злобой. Как ты мог — нет, что ты сделал со мной? Почему ты такой? И зачем только мне рассказывали, будто ты светел и красив? Ты черен, черен, как ночь, — я не могу — мне нельзя будет полюбить тебя. Я видела то, что я люблю, — оно сладостно и нежно, как цветок, прекрасно, как мотылек.

Король. Лживо, как призрак, пусто, как пузырь.

Сударшана. И пусть, но я не могу оставаться с тобой, просто не могу! Я должна бежать прочь отсюда. Союз с тобою — нет, невозможно! Он был бы только ложью — моя душа неизбежно должна отвернуться от тебя!

Король. И ты не хочешь даже попытаться?

Сударшана. Я уже пыталась — но, чем больше я пытаюсь, тем сильнее возмущение овладевает моим сердцем! Если я останусь подле тебя, меня постоянно будет преследовать и угрызать мысль, что я осквернена, что я лжива и вероломна!

Король. Хорошо, ты можешь уходить от меня, куда хочешь.

Сударшана. Я не могу бежать от тебя — именно потому, что ты не противишься моему уходу. Почему ты не удержишь меня, не схватишь за волосы, говоря: «Ты не уйдешь?» Почему ты не ударишь меня? Ах, покарай меня, ударь меня, бей меня сильной рукой! А твое неподвижное молчание приводит меня в бешенство, — ах, я не могу выносить!

Король. Почему ты думаешь, что я действительно молчу? Откуда ты знаешь, что я не пытаюсь удержать тебя?

Сударшана. Ах нет, нет! Я не могу выносить — говори со мной громко, приказывай мне громовым голосом, окрихни меня такими словами, чтобы они заглушили все в моих ушах, — не отпускай меня так легко, так спокойно!

Король. Я предоставляю тебе свободу, ведь как я мог бы допустить, чтобы ты вырывалась силой от меня?

Сударшана. Ты не отпускаешь меня? Хорошо, тогда я должна уйти.

Король. Уходи.

Сударшана. И впредь не в чем винить меня! Ты должен был удержать меня силой, но ты этого не сделал. Ты даже не пытался помешать мне, — и теперь я должна уйти. Вели твоей страже задержать меня!

Король. Никто не преградит тебе дороги. Можешь уходить свободно, как обрывок грозовой тучи, гонимый бурей.

Сударшана. Я больше не могу бороться, — что-то гонит меня. Я готова сорваться с якоря. Быть может, пойду ко дну, но я больше не вернусь.

(Быстро уходит).

(Входит Сурангама, она поет).

В чем Твоя воля, посылающая меня вдаль?

Снова я вернусь назад к Твоим ногам из всех моих скитаний.

Твоя любовь являет мнимый холод,

*Ласкающей рукою гонишь Ты меня,
Чтоб вновь меня привлечь в Свои объятия.
О мой Король, в какую игру играешь Ты по всему царству?*

Сударшана. (Возвращаясь). Король, король!

Сурангама. Он ушел.

Сударшана. Ушел? Хорошо... значит, он оттолкнул меня навсегда. Я вернулась, но он не стал ждать меня. Ну что же, хорошо, теперь я совершенно свободна. Сурангама, он просил тебя вернуть меня?

Сурангама. Нет, он ничего не сказал.

Сударшана. Станет он говорить! Станет он тужить обо мне! Значит, я свободна, совершенно свободна. Но, Сурангама, мне нужно было спросить, — мне только не хотелось говорить при короле. Скажи мне, не покарал ли он пленников смертью?

Сурангама. Смертью? Мой король никогда не карает смертью.

Сударшана. А что он сделал с ними?

Сурангама. Он отпустил их на свободу. Канчи признал себя побежденным и вернулся в свое царство.

Сударшана. Какое облегчение!

Сурангама. Моя королева, у меня к тебе просьба.

Сударшана. Тебе незачем излагать свою просьбу в словах, Сурангама. Все ожерелья и украшения, какие дарил мне король, я оставляю тебе — я теперь недостойна носить их.

Сурангама. Нет, я в них не нуждаюсь, королева. Мой господин никогда не возлагал на меня украшений — моя простота достаточно хороша для меня. Он не дарил мне ничего, чем бы я могла кичиться перед людьми.

Сударшана. Что же тебе нужно от меня?

Сурангама. Я тоже пойду с тобою, королева.

Сударшана. Взвесь, что говоришь: ты хочешь покинуть своего господина. Твоя ли это просьба?

Сурангама. Я не покину его, — когда ты уйдешь, незащищенная, — он будет всегда с тобой.

Сударшана. Ты говоришь бессмыслицу, дитя мое. Я хотела взять Рохини с собой, но она отказалась. Откуда у тебя столько мужества, раз ты хочешь уйти со мной?

Сурангама. У меня нет ни мужества, ни силы. Но я пойду, а мужество само придет, и сила придет.

Сударшана. Нет, я не могу брать тебя с собой: твое присутствие будет вечно напоминать мне о моем позоре, и мне будет невыносимо.

Сурангама. Моя королева, все твои радости и все твои горести стали мне столь же близки, как мои собственные, — и ты хочешь поступить со мной, как с чужой? Я должна уйти с тобой!

IX.

Король Кания Кубджа, отец Сударшаны и его министр.

Король Кания Кубджа. Я был осведомлен обо всем до ее приезда.

Министр. Принцесса ждет за городскими воротами, на берегу реки; она там совсем одна. Не послать ли людей приветствовать ее?

Король Кания Кубджа. Как! Она вероломно покинула мужа, а ты предлагаешь устроить ей торжественную встречу и тем громогласно оповестить об ее позоре и бесчестии всех и каждого?

Министр. В таком случае, я отдам распоряжение приготовить ей покои во дворце?

Король Кания Кубджа. Никаких приготовлений. Она добровольно покинула свое место императрицы, — здесь ей придется работать, в качестве служанки, если она хочет жить в моем доме.

Министр. Ей будет тяжело и горько, ваше величество.

Король Кания Кубджа. Если бы я старался спасти ее от страдания, я был бы недостойн считаться ей отцом.

Министр. Как вам угодно, ваше величество.

Король Кания Кубджа. Что она — моя дочь, должно остаться тайной; иначе всем нам грозит тяжелое бедствие.

Министр. Почему же нам грозит бедствие, ваше величество?

Король Кания Кубджа. Когда женщина совращается с истинного пути, она возлагает на себя бремя величайшего несчастья. Ты не знаешь, какой смертельный страх внушила мне моя дочь, — она приносит в мой дом бремя великой опасности.

X.

Внутренние покои дворца. Сударшана и Сурангама.

Сударшана. Оставь меня, Сурангама! Смертельный гнев кипит во мне — я никого не могу выносить, я прихожу в бешенство, видя тебя такой терпеливой и покорной!

Сурангама. На кого ты сердиться?

Сударшана. Не знаю, но я хочу видеть всюду разрушение, бедствие и гибель! Я, не колеблясь, покинула трон императрицы. Неужели я утратила все лишь затем, чтобы подметать пыль, влачить в поте лица рабский труд в этой мрачной дыре? Почему погребальные факелы не пылают в час моей невзгоды во всем мире? Почему земля не содрогается? Разве мое падение столь же незаметно, как падение ничтожного лепестка? Разве оно не похоже на падение яркой звезды, своим огненным полетом разрывающей небо?

Сурангама. Могучий лес долго тлеет и дымится, прежде чем вспыхнет пожар: час еще не пробил.

Сударшана. Я бросила свою королевскую честь и славу в прах и вихрь, но неужели нет ни одного человеческого существа, чтоб встретить здесь мою развенчанную душу? Одинока, ах, я ужасно, чудовищно одинока!

Сурангама. Ты не одинока.

Сударшана. Сурангама, я ничего не скрою от тебя. Когда он поджег дворец, я не могла сердиться на него. Великая радость в глубине моей души вдруг простерла свои крылья. Какое изумительное преступление! Какое волшебное мужество! И это мужество укрепило меня и зажгло отвагу и во мне. И эта ужасная радость дала мне силу оставить все, не колеблясь. Или все это — одно мое воображение? Почему нигде нет знака его прихода?

Сурангама. Тот, о ком ты думаешь, не поджигал дворца. Король Канчи сделал это.

Сударшана. Трус! Возможно ли? Такой красивый, такой очаровательный, и ни искорки мужества в нем? И всем своим заблуждением я обязана такому недостойному созданию? Позор! Стыд!.. Но, Сурангама, ты не думаешь, что твой король мог бы прийти за мной? (Сурангама остается безмолвной). Ты думаешь, я стремлюсь назад? Никогда! Если бы даже король действительно пришел, я бы не вернулась. Он не старался удержать меня, и я нашла все двери раскрытыми настежь! А каменистая и пыльная дорога, которою я шла, — ей было безразлично, что королева шагала по ней! Она сурова и бесчувственна, как твой король, — презреннейший нищий для нее значит то же, что великая королева. Ты молчишь? Хорошо, так знай, поведение твоего короля — низко, грубо, бесстыдно!

Сурангама. Все знают, что мой король суров и безжалостен, — еще

никому не удалось смягчить его.

Сударшана. Что же ты взываешь к нему день и ночь?

Сурангама. Пусть он вечно пребудет суров и непреклонен, как скала, — пусть мои слезы и молитвы не тронут его никогда! Пусть мои горести останутся только моими, и да воссияет его торжество и слава во веки веков!

Сударшана. Сурангама, смотри! Туча пыли вздымается среди полей на востоке.

Сурангама. Да, вижу.

Сударшана. А ты видишь знамя на колеснице?

Сурангама. В самом деле, знамя.

Сударшана. Значит, он здесь. Наконец-то явился!

Сурангама. Кто здесь?

Сударшана. Наш король! Кому же и быть иначе? Как он мог бы жить без меня? Нужно удивляться, как он мог упорствовать все эти дни.

Сурангама. Нет, нет, невозможно, это не король.

Сударшана. «Нет», скажите! Какая ты всезнайка! Твой король суров, он — каменный, безжалостный, неправда ли? Посмотрим, насколько он суров. Я с самого начала знала, что он явится, — что ему придется спешить ко мне. Но, помни, Сурангама, я ни единым помыслом не просила его явиться. Ты увидишь, как я заставлю твоего короля признать свое поражение. Ступай, Сурангама, и узнай все. (Сурангама уходит). Но следует ли мне соглашаться, если он явится и будет просить меня вернуться к нему? Конечно, нет! Я не пойду! Никогда!

(Входит Сурангама).

Сурангама. Это не король, королева.

Сударшана. Не король? Ты уверена? Как! Он все-таки не явился?

Сурангама. Нет, мой король никогда не вздымает столько пыли на своем пути. Никто не может знать, когда он придет.

Сударшана. В таком случае, сюда едет...

Сурангама. Да, он: и он едет вместе с королем Канчи.

Сударшана. Ты знаешь его имя?

Сурангама. Его имя — Суварна.

Сударшана. Значит, это он. А я-то думала: «Я лежу здесь, как ненужная, отброшенная вещь, до которой никто даже не коснется». Но вот мой герой явился освободить меня. Ты знаешь Суварну?

Сурангама. Когда я жила в доме моего отца, в этом игорном притоне...

Сударшана. Нет, нет, ты не должна говорить о нем. Он — мой герой, мое единственное спасение. Я должна знать его без твоих рассказов. Но ты только взвесь: славный человек, твой король! Он не захотел явиться, чтобы избавить меня хотя бы от этого унижения. И впредь тебе уже нельзя осуждать меня. Я не могла ждать его здесь всю свою жизнь, в унижительном труде невольницы. Я никогда не проникнусь твоей кротостью и смирением!

XI.

Лагерь.

Канчи. (Послу Кании Кубджи). Передай своему королю, что он напрасно смотрит на нас, как на своих гостей. Мы возвращаемся в свои царства и мы хотим освободить королеву Сударшану из рабства и унижения, на которые она осуждена здесь.

Посол. Ваше величество, вы должны помнить, что принцесса находится в доме своего отца.

Канчи. Дочь может оставаться в доме своего отца лишь до тех пор, пока она не замужем.

Посол. Но ее связь с отцовским кровом все же сохраняется.

Канчи. Теперь она отреклась от всяких уз.

Посол. От родственных уз нельзя отречься, ваше величество, по сторону смерти; порою ими можно пренебречь, но совершенно уничтожить их — невозможно.

Канчи. Если король не хочет отдать мне свою дочь миром, то законы чести Кшатриев, их справедливость, обязывают меня прибегнуть к силе. Вот мое последнее слово.

Посол. Ваше величество, не забывайте, что наш король связан теми же законами. И напрасно ждать, что он выдаст свою дочь, уступая одним вашим угрозам.

Канчи. Передай своему королю, что такой ответ не застал меня врасплох.

(Посол уходит).

Суварна. Король Канчи, мне кажется, что наш замысел слишком смел.

Канчи. А иначе, какая охота затевать всю эту историю?

Суварна. Сделать вызов Кании Кубдже немного нужно мужества, но...

Канчи. Если ты начнешь бояться всяких «но», ты вряд ли найдешь

для себя достаточно надежное место на этом свете.

(Входит воин).

Воин. Ваше величество! Мною получены известия, что короли Кошала, Аванти и Калинга идут сюда со своими войсками. (Уходит).

Канчи. Вот, чего я боялся! Слухи о бегстве Сударшаны распространились слишком широко — и теперь нам не избежать свалки, которая не может не кончиться в дыму.

Суварна. И все понапрасну, ваше величество. Все эти вести — не к добру. Я твердо убежден, что наш король сам постарался тайком распустить эти слухи повсюду.

Канчи. А что ему пользы в них?

Суварна. Жадность одних растерзает в куски других в этом соперничестве и общей свалке, и он воспользуется положением, чтобы вернуться с добычей.

Канчи. Теперь становится ясным, почему ваш король не показывается людям. Вся его хитрость в том, чтобы умножиться численно, — а у страха глаза велики, вот его и видят всюду. Но я все-таки буду настаивать на том, что он — пустой обман от начала до конца.

Суварна. Но я почтительно прошу, ваше величество, отпустить меня.

Канчи. Я не могу отпустить тебя, ты мне еще нужен.

(Входит воин).

Воин. Ваше величество, Вират, Панчал и Видарбха тоже прибыли. Они расположились лагерем на противоположном берегу реки. (Уходит).

Канчи. Вначале все мы должны драться вместе. Пускай сперва кончится сражение с Канией Кубджой, а потом мы как-нибудь распутаем узел.

Суварна. Я вас прошу не вовлекать меня в свои планы — я был бы счастлив, если бы вы оставили меня в стороне; я — бедный маленький человек, ничего не могу...

Канчи. Вот что, король лицемеров, средства и способы никогда не бывают очень возвышенного порядка, а дорожки и ступеньки и так далее на то и существуют, чтобы скрипеть под нашими ногами. В привлечении к нашим планам таких людей, как ты, — одна польза: нам не нужно прибегать ни к маскам, ни к иллюзиям. А если бы я последовал совету моего первого министра, то с моей стороны было бы большой нелепостью называть воровство менее благородным именем, чем общественная польза. А теперь я пойду и буду двигать принцами, как пешками на шахматной доске: игра, очевидно, не может состояться, если все фигуры захотят двигаться,

как короли.

ХII.

Внутренность дворца.

Сударшана. Битва все еще продолжается?

Сурангама. С прежним ожесточением.

Сударшана. Отправляясь в бой, мой отец пришел ко мне и сказал: «Ты ушла от одного короля, но ты увлекла за собой семь королев: я хочу разрубить тебя на семь частей и раздать принцам!» Он бы так и сделал! Сурангама!

Сурангама. Что?

Сударшана. Если твой король властен спасти меня, неужели мое теперешнее положение оставит его равнодушным?

Сурангама. Королева, зачем ты спрашиваешь меня? Разве в моей власти отвечать за моего короля? Я знаю, что мое разумение темно, — вот почему я никогда не решаюсь судить его.

Сударшана. Кто принимает участие в этом бою?

Сурангама. Все семь принцев.

Сударшана. И больше никого?

Сурангама. Суварна пытался бежать — тайком, до начала сражения, — но Канчи взял его в плен в свой лагерь.

Сударшана. Ах, мне лучше было давно-давно умереть! Но, король, мой король, если бы ты пришел на помощь моему отцу, твоя слава не стала бы меньше. Она стала бы только ярче и выше. Ты твердо уверена, Сурангама, что он не явился?

Сурангама. Я не знаю ничего достоверно.

Сударшана. Но со дня моего приезда сюда мне неоднократно чудилось, что кто-то играет на вине под моим окном.

Сурангама. Нет ничего невозможного в твоём предположении, что здесь кто-то изощряет свой музыкальный вкус.

Сударшана. Под моим окном густые заросли, и каждый раз я пытаюсь рассмотреть, чью музыку я слышу, но я не вижу ничего.

Сурангама. Быть может, какой-нибудь странник отдыхает в тени и играет.

Сударшана. Возможно, но мне вспоминается мое старое окошко во дворце. Я часто стояла в ночной одежде у моего окна, и из пустынного

мрака на месте наших встреч лились созвучия, и песни, и мелодии, баюкая и зыблясь в бесконечной смене и полноте, как движимый страстью избыток немолчного фонтана.

Сурангама. О густая и сладостная тьма! Глубокая и таинственная тьма, которой я служила!

Сударшана. Почему же ты ушла со мной из этого покоя?

Сурангама. Потому что я знала, что он будет следовать за нами и приведет нас назад.

Сударшана. Но нет, он не придет, он покинул нас навсегда. А почему бы ему и не покинуть нас?

Сурангама. Если он может покинуть нас, значит, он нам не нужен. Значит, он для нас не существует, значит, темный покой совершенно пуст — и в нем никогда не дышало пение вины, и никто не звал ни тебя, ни меня в этот покой; значит, все, что было, — обман и праздный сон.

(Входит привратник).

Сударшана. Кто ты?

Привратник. Я — привратник здешнего дворца.

Сударшана. Говори скорее, что тебе нужно сказать.

Привратник. Наш король взят в плен.

Сударшана. Взят в плен? О, Мать-Земля!

(Падает в обморок).

ХIII.

Король Канчи и Суварна.

Суварна. Значит, вы говорите, что сражения между вами теперь уже может и не быть?

Канчи. Нет, тебе нечего бояться. Я заставил всех принцев прийти к следующему соглашению: королева достанется тому, кого она сама выберет в мужья, остальным же придется отказаться от всякой дальнейшей борьбы.

Суварна. Но теперь я вам больше не нужен, ваше величество, и я прошу отпустить меня. Ввиду моей совершенной непригодности к делу, страх перед близкой опасностью только надорвал бы мои силы и помутил бы мой рассудок. И вам будет трудно возложить на меня какое бы то ни было поручение.

Канчи. Ты будешь сидеть здесь и держать мой зонт.

Суварна. Ваш слуга на все готов; но много ли пользы от меня?

Канчи. Мой друг, я вижу, что твоя слабая голова плохо сочетается с твоим большим честолюбием. А ты даже и не подозреваешь, как благосклонно королева смотрела на тебя. Что и говорить, в кругу венценосных принцев она вряд ли наденет брачное ожерелье на шею того, кто просто носит зонт, а все-таки, насколько мне известно, ей нельзя не обратить на тебя внимания. Так что, в конечном счете, это ожерелье повиснет в тени моего королевского зонта.

Суварна. Ваше величество, вы забавляетесь опасными вымыслами обо мне. И я вас почтительно прошу не вовлекать меня в сети таких, ни на чем не основанных предположений. Я вас покорнейше прошу, ваше величество, отпустить меня на свободу.

Канчи. Как только моя цель будет достигнута, я не буду препятствовать твоей свободе. Раз цель достигнута, дальнейшее бремя средств уже бессмысленно.

XIV.

Сударшана и Сурангама у окна.

Сударшана. Значит, я должна отправиться в собрание принцев? Разве иначе нельзя спасти жизнь моего отца?

Сурангама. Так сказал король Канчи.

Сударшана. И эти слова достойны короля? И он сказал это своими собственными устами?

Сурангама. Нет, его посол, Суварна, принес эту весть.

Сударшана. Горе, горе мне!

Сурангама. И он протянул несколько увядших цветков и сказал: «Передай своей королеве, что, чем суше и мертвеннее становится это воспоминание о весеннем празднестве, тем свежей и пышней оно расцветает в моем сердце».

Сударшана. Молчи! Не говори мне больше. Не мучь меня еще раз!

Сурангама. Смотри! Там сидят все принцы в великом совете. Вон тот, на ком нет никаких украшений, кроме простой гирлянды цветов на его короне, — это король Канчи. А тот, что держит зонт над его головой — Суварна.

Сударшана. Это — Суварна? Ты уверена?

Сурангама. Да, я знаю его хорошо.

Сударшана. Возможно ли, что это — тот же самый человек, которого я видела недавно? Нет, нет, я видела какую-то сложную смесь из света и мрака, из ветра и нежного запаха, — нет, нет, невозможно, не он; это не он!

Сурангама. Но все согласны, что он чрезвычайно красив.

Сударшана. Как могла такая красота очаровать меня? Ах, что я должна сделать, чтобы омыть свои глаза от скверны?

Сурангама. Ты омоешь их в бездонной тьме.

Сударшана. Но скажи мне, Сурангама, почему человек впадает в такое заблуждение?

Сурангама. Всякое заблуждение есть лишь ступень к своему собственному разрушению.

Вестник. (Входя). Принцесса, короли ждут тебя в зале. (Уходит).

Сударшана. Сурангама, принеси мне покрывало. (Сурангама уходит). Король, мой единственный король! Ты оставил меня одну, и ты только справедлив, поступая так. Но разве ты не узнаешь сокровеннейшей правды в моей душе? (Вынимая кинжал, спрятанный на груди). Это мое тело осквернено — сегодня я принесу его в жертву, в пыли зала, перед лицом всех этих принцев. Но разве мне никогда нельзя будет сказать тебе, что я не знаю скверны вероломства в сокровенной глубине моего сердца? Темный покой, где ты хотел встретить меня, холоден и пуст в моей груди сегодня, но, мой повелитель, никто не раскрывал его двери, никто не входил в него, кроме тебя, король! Неужели ты уже никогда не вернешься, чтобы раскрыть эту дверь? Тогда пусть смерть приходит, потому что она темна, как ты, и ее лицо прекрасно, как твое. Это — Ты, это — Ты, Король!

XV.

Собрание принцев.

Видарбха. Король Канчи, почему на твоей особе нет никаких украшений?

Канчи. Потому что я не питаю никакой надежды, мой друг. Украшения только удвоили бы позор моего поражения.

Калинга. Но тот, кто держит твой зонт, как будто замещает тебя, — он весь осыпан золотом и драгоценностями.

Вират. Королю Канчи нужно доказать всю пустоту и второстепенность внешней красоты и величия. Тщеславие его храбрости заставляет его

чуждаться всех видимых прикрас.

Кошала. Я разгадал его хитрость вполне: соблюдая строгую простоту среди усыпанных драгоценностями принцев, он хочет подчеркнуть свое особое благородство.

Панчала. А я не одобряю его мудрости в данном случае. Всем известно, что женские глаза, как ночные бабочки, слишком опрометчиво бросаются на свет и блеск драгоценностей и золота.

Калинга. Но долго ли нам ждать еще?

Канчи. Не будь так нетерпелив, король Калинга, чем горше труд, тем слаще плод.

Калинга. Если бы я был уверен в плодах, я бы потерпел. Но я так слабо надеюсь отвесть этот плод, что моя жажда хотя бы взглянуть на нее превосходит всякие границы.

Канчи. Но ты еще молод — в твои годы обманутые надежды вновь и вновь вернутся к тебе, как бесстыдные женщины, тогда как наша песенка уже спета давно.

Кошала. Канчи, ты не заметил, как что-то качнуло твое сидение вот сейчас? Что это — землетрясение?

Канчи. Землетрясение? Не знаю.

Видарбха. Быть может, еще какой-нибудь принц идет с своим войском?

Калинга. Очень возможно, но в таком случае к нам явился бы глашатай или гонец.

Видарбха. Все это, право, не к добру.

Канчи. У страха глаза велики.

Видарбха. Я ничего не боюсь, кроме судьбы, перед лицом которой мужество и геройство бессильны и бессмысленны.

Панчала. Видарбха, не омрачай сегодняшних счастливых событий своими непрошенными предсказаниями.

Канчи. Я никогда не принимаю в расчет незримого, пока оно не станет «зримым».

Видарбха. Но тогда легко может оказаться, что уже слишком поздно что-либо предпринять.

Панчала. А разве не все мы выступили в поход при исключительно благоприятных обстоятельствах?

Видарбха. Ты думаешь, что ты застрахован от всякого риска, выступая при благоприятных обстоятельствах? Все клонится к тому, как если бы...

Канчи. Тебе лучше отложить твое «как если бы» в сторону: пусть оно — наше собственное создание, но оно часто способствует нашей

гибели.

Калинга. Тут где-то музыка?

Панчала. Да, как будто, музыка...

Канчи. Должно быть, королева Сударшана приближается сюда. (В сторону, Суварне). Суварна, ты не должен скрываться и прятаться за меня. Смотри, зонт в твоей руке дрожит.

(Входит Дед, в одежде воина).

Калинга. Кто это? Кто — ты?

Панчала. Кто смеет входить в эту залу без приглашения?

Вират. Изумительная наглость! Калинга, не пускай его дальше.

Калинга. Все вы старше меня — и, значит, ваше дело — не пускать.

Видарбха. Послушаем, что он может сказать.

Дед. Король пришел!

Видарбха. (Вздвигнув). Король?

Панчала. Какой король?

Калинга. Откуда он пришел?

Дед. Мой король!

Вират. Твой король?

Калинга. Кто же он?

Кошала. Что ты хочешь сказать?

Дед. Вы все знаете, что я хочу сказать. Он здесь.

Видарбха. Пришел?

Копала. С каким намерением?

Дед. Он всем вам приказал явиться к нему.

Канчи. Да ну, приказал? В каких выражениях ему угодно было приказать нам?

Дед. Вы можете принимать его зов, как хотите, — ничто не мешает вам, и вас ждет у него прием по особому вкусу каждого из вас.

Вират. А кто же ты?

Дед. Один из его генералов.

Канчи. Генерал? Ложь! Ты хочешь испугать нас. Ты думаешь, я не вижу твоей личины? Все мы отлично знаем тебя, а ты корчишь «генерала» перед нами!

Дед. Ты узнал меня вполне. Кто достойнее меня передавать приказания моего короля? И все-таки, он сам облек меня в эти одежды генерала и послал меня сюда: он предпочел меня более великим генералам и более могущественным воинам.

Канчи. Хорошо, при удобном случае мы исполним долг приличия и

вежливости, а в настоящее время у нас очень важное совещание. Ему придется подождать, пока оно кончится.

Дед. Посылая свой зов, он не ждет.

Кошала. Я повинуюсь его зову, я тотчас иду.

Видарбха. Канчи, я не согласен с твоим предложением ждать конца нашего совещания. Я иду.

Калинга. Вы старше меня — я последую за вами.

Панчала. Оглянись назад, принц Канчи, твой королевский зонт валяется в пыли: ты и не заметил как твой слуга вдруг исчез.

Канчи. Хорошо, генералы. Я тоже иду, но только не с приветом. Я иду сразиться с ним на поле брани.

Вират. Послушайте, друзья, все мы, пожалуй, бежим перед мнимым страхом. Похоже, что король Канчи прав.

Панчала. Возможно. Когда плод совсем под рукой, было бы трусостью и глупостью уйти, не сорвав его.

Калинга. Лучше присоединиться к королю Канчи. Не может быть, чтобы у него не было определенного плана и цели, раз он действует так смело и решительно.

XVI.

Сударшана и Сурангама.

Сударшана. Битва кончилась. Когда же придет король?

Сурангама. Я сама не знаю: я тоже жду его прихода.

Сударшана. Я чувствую такой прилив радости, что у меня положительно болит грудь. Но в то же время я умираю со стыда: как я покажу ему свое лицо?

Сурангама. Иди к нему во всем смирении и покорности, и весь стыд исчезнет вдруг.

Сударшана. Не могу не признаться, что я потерпела глубочайшее поражение на весь остаток дней моих. Ведь моя гордость заставляла меня настойчиво искать самого широкого участия в его любви. И все твердили, что я так изумительно прекрасна, что у меня столько очарования, столько достоинств. Все твердили, что король проявил беспредельную доброту ко мне, — вот почему мне тягостно склонить свое сердце в смирении перед ним.

Сурангама. Эта тягость пройдет, королева.

Сударшана. Да, пройдет, — настал день, когда я должна поникнуть в смирение перед всем миром. Но почему король не приходит взять меня назад? Чего еще он ждет?

Сурангама. Разве я тебе не говорила, что мой король жесток и суров, очень суров?

Сударшана. Ступай, Сурангама, и принеси мне весть о нем.

Сурангама. Я не знаю, куда мне идти и где мне получить весть о нем. Я просила деда прийти; когда он придет, быть может, мы услышим что-нибудь о нем.

Сударшана. Ах, моя горькая судьба! Я дошла до того, что должна просить у других вестей о моем короле.

(Входит Дед).

Сударшана. Я слышала, что ты — друг моего короля, и ты прими мое послушание и благослови меня.

Дед. Что ты делаешь, королева? Я ни от кого не принимаю послушания. Мои отношения ко всем людям только дружественные.

Сударшана. Тогда улыбнись мне, — сообщи благие вести! Скажи мне, когда король придет за мной?

Дед. Воистину, трудный вопрос. Я вряд ли постигаю пути моего друга. Битва кончилась, но никто не может сказать, куда он ушел.

Сударшана. Значит, он ушел?

Дед. Я нигде не могу найти его здесь.

Сударшана. Ушел! И ты зовешь такого человека другом?

Дед. Вот откуда вся людская хула и подозрение. Но мой король совсем не помнит их.

Сударшана. Он исчез! Ах, ах, как сурово, как жестоко, как жестоко! Он создан из камня, он тверд, как алмаз! Я хотела смягчить его своей собственной грудью, — моя грудь в ранах и в крови, — но я не смягчила его. Дед, скажи мне, как ты можешь ладить с таким другом?

Дед. Я познал его теперь, я познал его через мои горести и радости, он теперь больше не может заставить меня плакать.

Сударшана. А разве он не поможет мне познать его?

Дед. Конечно! Иначе ничто не может удовлетворить его.

Сударшана. Хорошо, я посмотрю, насколько он суров. Я буду стоять здесь, у окна, не говоря ни слова, я даже не двинусь, посмотрим, придет ли он!

Дед. Ты еще молода, ты можешь ждать его; а мне, старику, потерянный миг — неделя. Я должен отправиться в путь, искать его, все равно, найду ли я его или нет. (Уходит).

Сударшана. Он мне не нужен, я не пойду искать его, Сурангама, твой король мне не нужен. Зачем он сражался с принцами? Из-за меня? Или ему нужно было похвастать своим мужеством и силой? Уйди отсюда, — я не выношу твоего вида. Он поверг меня во прах, и ему все еще мало!

XVII.

Толпа граждан.

Первый горожанин. Раз тут собралось столько королей, мы думаем, нам предстоит большая потеха; так или иначе, все приняло такой оборот, что никто не знает, что тут произошло.

Второй горожанин. Разве вы не видели, что в их действиях не было ни малейшего согласия? Они не доверяют друг другу.

Третий горожанин. Никто не придерживался первоначального плана; одному нужно было наступать, другой считал более разумным отступить, те пошли направо, а те бросились налево. Разве это сражение?

Первый горожанин. Они не следили за правильным ходом сражения — каждый следил за другими.

Второй горожанин. И каждый думал: «Зачем я стану умирать, чтобы дать другим возможность собрать жатву!»

Третий горожанин. Но все мы должны согласиться, что Канчи дрался, как настоящий герой.

Первый горожанин. Он еще долго после своего поражения, по-видимому, не хотел признать, что он побит.

Второй горожанин. Под конец он был ранен в грудь.

Третий горожанин. Но перед этим он, по-видимому, не сознавал, что его дело проиграно.

Первый горожанин. А что до других королей — никто не знает, куда они разбежались, бросив бедного Канчи в поле одного.

Второй горожанин. Но я слышал, что он все-таки не умер.

Третий горожанин. Нет, врачи спасли его, но он будет носить на груди знак своего поражения до своего смертного часа.

Первый горожанин. И никто из остальных королей, которые бежали, не спасся, все они были взяты в плен. Но какая мера справедливости отмерена им?

Второй горожанин. Я слышал, что все они понесли кару, кроме Канчи, которого судья посадил рядом с собой, по правую руку, на трон правосудия, надев на него корону.

Третий горожанин. Просто непостижимо.

Второй горожанин. Такое своеобразное правосудие, откровенно говоря, поражает нас.

Первый горожанин. Совершенно верно. Главный виновник, конечно, — король Канчи; что до остальных, жажда сражения то заставляла их идти вперед, то в страхе они пятились назад.

Третий горожанин. Но причем тут справедливость, спрашиваю я? Все равно, что выпустить тигра на свободу, отрезав у него хвост.

Второй горожанин. Будь мы на месте судей, ты думаешь, Канчи был бы цел и невредим в этот час? От него бы ничего не осталось.

Третий горожанин. Они велики, верховные судьи, друзья мои. Мозги у них совсем из другого ковша, чем наши.

Первый горожанин. Я сомневаюсь, есть ли у них вообще мозги. Им просто сходят с рук их милые причуды, потому что некому окрикнуть их.

Второй горожанин. Что ни говори, будь правительственная власть в наших руках, все дело управления стояло бы у нас куда лучше.

Третий горожанин. Разве тут могут быть сомнения? Все это ясно и без слов.

XVIII.

Улица. Дед и Канчи.

Дед. Как, принц Канчи, ты здесь?

Канчи. Твой король послал меня в дорогу.

Дед. Таков у него обычай.

Канчи. И никому нельзя, хотя бы мельком, взглянуть на него.

Дед. И это — одно из его развлечений.

Канчи. Но долго ли еще он намерен скрываться от меня? Когда ничто не могло заставить меня признать его своим королем, он налетел внезапно, как грозная буря, Бог весть откуда, — и разметал моих людей и коней и знамена в диком замешательстве. А теперь, когда я плетусь на край земли, чтобы уплатить ему дань моего смиренного благоговения, его не видно нигде.

Дед. Как наш король ни велик, он должен подчиниться тому, кто сам покоряется. Но почему ты вышел ночью, принц?

Канчи. Я все еще не могу освободиться от чувства тайного страха, что люди осмеют меня, когда они увидят, что я смиренно поник пред твоим королем, что я признаю свое поражение.

Дед. Люди, действительно, таковы. То, что других трогает до слез, у них только вызывает пустой смех.

Канчи. Но ведь ты тоже в дороге, дедушка?

Дед. Это — мое веселое странствие в страну, где все должно быть утрачено.

(Поет).

*Я жду и жду, со всем, что — мое,
В надежде утратить все.
И жду я у края дороги того,
Кто вечно нас торопит в дальний путь,
Кто, сам от всех сокрытый, видит все,
И кто, нам всем безвестный, любит нас.
Я отдал ему мое сердце, в тайной любви к нему,
И я лишь жду со всем, что — мое,
В надежде утратить все!*

XIX.

Дорога. Сударшана и Сурангама.

Сударшана. Какое облегчение, Сурангама, какая свобода! Мое поражение принесло мне свободу. Ах, какая у меня железная гордость! Ничто не могло бы ни тронуть, ни смягчить ее. Мой помраченный разум никак не мог проникнуться простою истиною, что не король должен был прийти ко мне, а я сама должна была идти к нему. Вчера я пролежала всю ночь на пыльной земле под окном, я лежала много пустынных часов и плакала. Всю ночь южный ветер дул и выл и стонал, как боль, что терзала мое сердце; и все время я слышала, как в шуме и свисте за окном ночная птица жалобно твердила: «Говори, женщина!..» То был беспощадный вопль темной ночи, Сурангама!

Сурангама. В последнюю ночь тяжелый и сумрачный воздух сдавил всё на веки веков. Ах, какая зловеющая и сумрачная ночь!

Сударшана. Но ты, пожалуй, не поверишь, мне чудилось нежное пение вины сквозь весь этот грохот и вой. Разве может издавать такие сладостные и нежные звуки тот, кто так жесток и грозен? Мир знает только мой позор и мое осквернение, но только одно мое сердце могло слышать звуки, которые звали меня сквозь сиротливую, рыдающую ночь. Сурангама, ты тоже слышала вину? Или то был лишь мой сон?

Сурангама. Но ведь я лишь затем и живу подле тебя, чтобы слушать эту музыку вины. Ведь я только и делала, что с напряженным вниманием прислушивалась к этому зову музыки, который, как я знала, должен был однажды донестись до нашего слуха и расторгнуть все преграды любви.

Сударшана. В конце концов, он послал меня на большую дорогу, и я не могла противиться его воле. Когда я найду его, первые слова, какие я скажу ему, будут: «Я пришла добровольно, я не ждала Твоего приказа!» Я скажу: «Во Имя Твое я шла кремнистой и трудной дорогой, и горьки и беспрерывны были мои слезы в пути». Наконец-то я найду, чем гордиться, когда встречу его!

Сурангама. Но и эта гордость ненадолго. Он предупредил тебя своим приходом, иначе кто мог выслать тебя на дорогу?

Сударшана. Возможно! Пока чувство оскорбленной гордости таилось во мне, я не могла не думать, что он покинул меня навсегда; но едва я бросила мое достоинство и мою гордость на ветер и вышла на торную людскую дорогу, мне почудилось, что он тоже вышел: я нашла его, едва я вышла на дорогу! И теперь у меня уже нет сомнений. Вся эта мука, сквозь которую я прошла во имя его, вся эта горечь вернула мне его присутствие. Да, он пришел, он взял меня за руку, как он делал это покое тьмы, когда от одного его прикосновения все мое тело пронизывал внезапный трепет. Теперь то же самое, то же самое прикосновение! Кто сказал, что его здесь нет? Сурангама, разве ты не видишь, что он пришел, в безмолвии и тайне?.. Кто там? Смотри, Сурангама, вон там — третий странник на этой темной дороге в этот час ночной.

Сурангама. Вижу, это — король Канчи.

Сударшана. Король Канчи?

Сурангама. Не бойся, королева!

Сударшана. Бояться? Как я могла бы бояться? Дни страха прошли для меня навсегда.

Канчи. (Входя). Королева-мать, я вижу вас обеих на этой дороге. Я — странник на той же стезе, как и ты. Не бойся меня, королева!

Сударшана. И хорошо, король Канчи, что мы должны идти вместе, друг подле друга, — и это только справедливо. Я вступила на твой путь, когда я покинула свой дом, а теперь я встречаю тебя на своем возвратном пути. Кто мог мечтать, что эта наша встреча будет таким благим предзнаменованием?

Канчи. Но, королева-мать, тебе не подобает ходить по этой дороге! Позволь мне предложить тебе колесницу.

Сударшана. Ах, не говори так! Я не была бы счастлива, если бы на обратном пути домой я не плелась в пыли дороги, которая увела меня от моего короля. Я бы изменила себе, если бы я теперь ехала на колеснице.

Сурангама. Король, сегодня и ты идешь в пыли: эта дорога не знает ни коней, ни колесниц.

Сударшана. Когда я была королевой, я ступала по серебру и золоту, — теперь я должна искупить горькую долю моего рождения, влачась в пыли, по голой земле. Я не могла мечтать, что сегодня я, на каждом своем шагу, буду встречать моего короля на обыкновенной земле и в пыли.

Сурангама. Смотри, королева, на востоке занимается заря! Нам уже недолго идти: я вижу верхушки золотых башен королевского дворца. (Входит Дед).

Дед. Дитя мое, наконец-то — светает!

Сударшана. Твое благословение привело меня к торжеству и, наконец-то, я — здесь!

Дед. А ты видишь, как наш король неприветлив? Он не выслал ни колесницы, ни музыки, он не предпринял ничего пышного и торжественного.

Сударшана. Ничего торжественного, говоришь? Смотри, небо алеет и румянится от края до края, воздух полон привета душистых цветов!

Дед. Да, как ни суров наш король, мы не должны стараться соперничать с ним: я не могу без боли видеть тебя такою, дитя мое. Как мы можем допустить, чтобы ты шла во дворец короля в таком нищенском и унижительном наряде? Подожди, я сбегая за твоей королевской одеждой.

Сударшана. Ах, нет, нет! Нет! Он снял с меня эту царскую одежду навсегда — он облек меня в одежду служанки перед глазами всего мира. Как мне легко! Теперь я — его служанка, а не королева! Сегодня я оказалась в числе всех тех, кто может иметь притязание на какое-либо родство с ним.

Дед. Но твои враги осмеют тебя теперь: как ты можешь выносить их насмешки?

Сударшана. Пусть их хохот и насмешки будут бессмертны, пусть они бросают в меня пылью на улицах: эта пыль сегодня будет прахом, которым я покрою себя, прежде чем войти к своему господину.

Дед. После всего этого мы ничего не скажем. Давайте теперь играть в последнюю игру нашего весеннего праздника — вместо цветочной пыли пусть южный ветер взрывает и щедро разносит прах смирения во все стороны света! Мы войдем к господину в будничном сером покрове пыли. И он сам будет весь в пыли. Ты думаешь, люди берегут его? Даже он не

может укрыться от их грязных и пыльных рук, и он даже не старается стряхнуть грязь со своей одежды.

Канчи. Дедушка, не забудь меня в своей игре! Я тоже хочу, чтобы эта моя королевская одежда была грязна до неузнаваемости.

Дед. Оно и нетрудно, брат мой! Сойдя так глубоко вниз, ты изменишь свой цвет в один миг. Посмотри на нашу королеву — она хотела побороть себя и думала, что может умалить свою несравненную красоту, сбросив все свои украшения: но это посягательство на свою красоту заставило ее сверкать удесятеренной славой, и теперь она достигла своего кроткого совершенства. Мы слышали, что наш король не искушен в красоте, — вот почему он любит всю свою многоликую красоту форм, сверкающих, как сама красота его дыхания. И эта красота совлекла сегодня свое покрывало и личину гордыни и тщеславия. Чего бы я не отдал, лишь бы иметь возможность слышать волшебную музыку и пенье, которые наполнят сегодня дворец моего короля!

Сурангама. Смотрите, уже восходит солнце!

XX.

Темный чертог.

Сударшана. Повелитель, не возвращай мне почестей, которых ты лишил меня однажды! Я — служанка у ног твоих, я лишь ищу права служить тебе.

Король. А теперь у тебя хватит сил вынести мой вид?

Сударшана. Да, да, хватит! Твой вид отталкивал меня, потому что я думала найти тебя в саду, в моих королевских покоях: там даже ничтожнейший из слуг твоих красивее тебя. Эта пламенная тоска покинула меня навсегда. Ты не прекрасен, господин, — ты превыше всех сравнений.

Король. То, что может быть сравнимо со мною, замкнуто в тебе самой.

Сударшана. А раз так, то и все, что во мне, выше всякого сравнения. Твоя любовь живет во мне, ты отражен в этой любви, и ты видишь свое лицо повторенным во мне: ничто во мне не мое, все — твое, повелитель!

Король. Сегодня я раскрываю дверь этого темного чертога — игра кончилась здесь. Иди же, иди теперь со мной, войди — в царство света!

Сударшана. Прежде, чем уйти, дай мне приникнуть к ногам моего господина тьмы, моего жестокого, моего грозного, моего несравненного повелителя!

*Музей МХАТ.
Библиотека Репертуарной части.
№ 626. 102 л. Машинопись.*